

Литературныя ожиданія. Жуковскій о Байронѣ, Шиллерѣ и Гётѣ.

„Милыя гѣни“ прошлаго — и жалобы на полжизни, потраченной „безумно“; желаніе „отказаться отъ потеряннаго“, рѣшеніе искать еще возможнаго для него въ жизни пути — и „ребяческое“ огорченіе, что кронпринцъ его не вспомнилъ — все это свидѣтельствуемъ о нѣкоторой духовной разладицѣ, которая не могла не отразиться на производительности художника. Жуковскій не „безличенъ“ какъ говорилъ кн. Вяземскій, онъ даже воспиталъ въ себѣ волю, въ письмахъ изъ поры своей сердечной разлуки онъ нерѣдко ободряетъ себя словомъ: *persévérance!*, но въ этомъ словѣ у него болѣе самоотреченія, чѣмъ энергии.

Друзья тревожатся за Жуковскаго и мечтаютъ расширить его кругозоръ въ уровень, казалось, съ его талантомъ. И тутъ они ошиблись: отъ него ожидали многого, чего, по свойству своего таланта, онъ не могъ дать.

Началось это давно, въ періодъ раннихъ „балладъ“. Батюшковъ, недолголюбивавшій ихъ ¹⁾, сѣтуетъ, что поэтъ занимается такими бездѣлками: „съ его воображеніемъ, съ его дарованіемъ и болѣе всего съ его искусствомъ можно взяться за предметъ важный, достойный его“ ²⁾; „пора ему взяться за что-нибудь поважнѣе... онъ заслужилъ уваженіе просвѣщен-

1) Сл. его письма къ Гнѣдичу, февраль-мартъ 1811 г., и къ Жуковскому, июнь 1812 г. Сл. Соч. Батюшкова, т. III, стр. 111 и 187.

2) Къ князю Вяземскому, первая половина іюля 1812 г., 1. с. стр. 194.

ныхъ людей, истинно просвѣщенныхъ, но славу надобно поддерживать трудами“ 1). О „пути къ славѣ“ говорится и въ другомъ письмѣ 2). Жуковскій писалъ Батюшкову въ пору жестокой сердечной тревоги, и тотъ благодаритъ его за откровенность: онъ ея достоинъ, потому что, по чувствамъ, Жуковскій ему родной. „Во всемъ согласенъ съ тобой на счетъ поэзіи. Мы смотримъ на нее съ надлежащей точки, о которой толпа и понятія не имѣетъ. Большая часть людей принимаютъ за поэзію рѣмы, а не чувство, слова, а не образы. Богъ съ нею! Но, милый другъ, если ты имѣешь дарованіе небесное, то дорого заплатишь за него, и дороже еще, если не сдѣлаешь того, что Карамзинъ: онъ избралъ себѣ одно занятіе, одно поприще, куда уходитъ отъ страстей и огорченій: тайная земля для профановъ, истинное убѣжище для души чувствительной. Послѣдуй его примѣру. Ты имѣешь талантъ рѣдкій; избери же землю, достойную его, и приготовь для будущаго новую пищу сердцу и уму, новую славу и новое сладострастіе любимцамъ прекраснаго“ 3). — „Онъ у насъ великанъ среди пигмеевъ, прекрасная колонна среди развалинъ“, пишетъ Батюшковъ о Жуковскомъ: „баллады его прелестны, но балладами не долженъ себя ограничивать талантъ рѣдкій въ Европѣ“ 4). Батюшковъ протестуетъ противъ его переводовъ съ нѣмецкаго: добро переводить философовъ, „но ихъ то у насъ читать и не будутъ. Что касается до литературы ихъ, собственно литературы, то я начинаю презирать ее.... У нихъ все каряченье и судороги.... Слогъ Жуковскаго украсить и галиматью, но польза какая, то есть, истинная польза?.... Не лучше-ли посвятить лучшіе годы жизни чему-нибудь полезному, то есть таланту, чудесному таланту?.. Правда, для этого ему надобно переродиться. У него голова вовсе не дѣятельная. Онъ все въ воображеніи“ 5).

Предметомъ „важнымъ“, достойнымъ Жуковскаго, долго считали затѣянную имъ поэму „Владиміръ“, сюжетомъ которой онъ занимался съ 1810 года и которую никогда не написалъ.

1) Къ нему же 10 іюня 1813 г., 1. с. стр. 227—8.

2) Къ нему же 3 ноября 1814 г., 1. с. стр. 306.

3) Середина декабря 1815 г. 1. с. стр. 356—7.

4) Къ Гнѣдичу, вторая половина февраля 1817 г., 1. с. стр. 416.

5) Къ князю Вяземскому 1817 г., 4 марта 1. с. стр. 427—8.

Около 1820-х годов о ней уже молчат, но приятели по прежнему чего-то ждуть. „Жуковский уже похитил творческий пламень, писалъ кн. Вяземскій; но твореніе не свидѣтельствуетъ еще землѣ о похищеніи небесномъ. Мы, посвященные, чувствуемъ въ его рукѣ творческую силу; но толпа чувствуетъ глазами и увѣряется осязаніемъ. Для нея надобно поставить на ноги и пустить въ ходъ исполина: тогда только поклоняется она. Къ тому же искра въ дѣйствиі обширнымъ пламенемъ возносится до небесъ и освѣщаетъ окрестности; праздная, она — тотъ же огонь, но свѣтится только для нѣкоторыхъ и гаснетъ забытая“¹⁾.

Разсчитывали, что Жуковского разшевелитъ Байронъ. По всѣмъ признакамъ Жуковский „точно воскресаетъ, пишетъ Ал. Тургеневъ, и геній-воскреситель его есть Вулго, да и отдыхъ въ пользу. Онъ теперъ нячнется только съ фрейлинами, ѣстъ ихъ конфекты и пьетъ за нихъ шампанское. Вино поэзіи веселитъ сердце его, а съ нпмъ и воображеніе“. Лишь бы онъ бросилъ стихотворныя бездѣлки, и, „хотя въ одинъ присѣсть и съ натугою, пусть разродится геній его обдуманнмъ и достойнмъ его произведеніемъ.... Я восхищался уродливмъ произведе-

1) Князь Вяземскій Ал. Тургеневу 1819 г. 11 іюля (выписка изъ „журнала“ 10 іюля). Такъ и въ старой записной книжкѣ, сл. Полн. собр. соч. кн. Вяземскаго, т. IX, стр. 30; тѣ-же строки внесены кн. Вяземскимъ въ одинъ изъ альбомовъ Жуковского (начатомъ въ Берлинѣ 16/28 декабря 1820 г) съ замѣчаніемъ: „Все это написано не для тебя, а было написано про себя въ Варшавѣ“ (слѣдующая затѣмъ запись датирована: „Царское село 30 іюня 1825 г.). Передъ этой замѣткой, другая, крайне характерная, какъ признаніе: „Я желалъ бы умѣстить все бытіе свое въ одно чувство, а это чувство издержать въ одномъ ощущеніи. О небо! небо! Зачѣмъ, при склонностяхъ мирныхъ дало ты мнѣ порывы мятежныя? Зачѣмъ не умѣю вѣсовъ своихъ согласовать съ страстями своими? Тихое забвеніе, убѣжище уединенное, тѣнь двухъ-трехъ деревьевъ, свѣтлый бѣгъ ручья! При васъ мысль моя отдыхаетъ, вами ограничилось бы честолюбіе моихъ желаній, но страсти, роковыя страсти, на крыльяхъ бури уносятъ меня далеко отъ васъ! Въ волненіи тоски безпредѣльной я по васъ вздыхаю, на вашемъ безмятежномъ лонѣ порываюсь на движеніе новое и въ борьбѣ всегдашней съ самимъ собою почерпаю жизнь въ потрясеніи и стычкѣ наклонностей, другъ другу противныхъ. Но мнѣ-ли сѣтовать о томъ? Не изъ сего-ли тайнаго и глупаго волненія родится вѣчно бьющій источникъ поэзіи, который одинъ можетъ утолить жажду души, чужой темнымъ благамъ, души, насохнувшей бы на почвѣ, гдѣ, по преданіямъ толпы, растеть человѣческое счастье и расцвѣтають житейскія выгоды?“

ніемъ Байрона: „Манфредъ“, трагедія. Жуковскій хочеть выкрасть изъ нея лучшее“ 1). — „Есть много забавнаго и поэтическаго въ стихахъ Жуковскаго, отвѣчалъ кн. Вяземскій, но мало созданія: надобно было накормить вымыслами, а то какъ-то голо и худошаво, тѣмъ болѣе, что длнно, даже и чувства мало“ 2). Кн. Вяземскій увлеченъ Байрономъ: „Что за скала, изъ коей бьетъ море поэзіи! Какъ Жуковскій не черпаетъ тутъ жизни, коей стало бы на цѣлое поколѣніе поэтовъ?“ 3) спрашиваетъ онъ и съ удовольствіемъ слышитъ, что Жуковскій питается и бредитъ Байрономъ, готовитъ переводы 4). „Дай Богъ, чтобы Жуковскій впился въ Байрона. Но Байрону подражать не можно: переводы его буквально, или не принимайся. Въ немъ именно что и есть образцоваго, то его безобразность. Передай всѣ дикіе крики его сердца; не подливай масла въ ядъ, который онъ иногда изъ себя выбрасываетъ; бѣснуйся, какъ и онъ, въ поэтическомъ изступленіи. Я боюсь за Жуковскаго: онъ станетъ дѣвствовать, а никто не въ страхъ, какъ онъ, выразитъ Байрона. Пускай начнетъ съ IV-й пѣсни „Пилигрима“, но только слово въ слово, пли я читать не буду“ 5). „Жуковскій дремлетъ надъ Байрономъ, Вяземскій имъ бредитъ“, писалъ Ал. Тургеневъ И. И. Дмитріеву 6).

Жуковскій чувствовалъ, что его поэзія захирѣла, и чаялъ себѣ обновленія отъ заграничной поѣздки. „Что дѣлаетъ жемчуголовъ Жуковскій? Много-ли раковинъ навезетъ? Ему должно будетъ грянуть на публику чѣмъ-нибудь тяжкимъ, писалъ кн. Вяземскій А. Тургеневу (18 декабря 1821 г.), а ради Бога, не давайте ему метать бисеръ въ журналы. Публика, то есть, свиньи, топчетъ его безъ понятія. Всѣ къ нему вѣру потеряли. Онъ молчи пли снова заколдуѣ“.

Вмѣсто того Жуковскій пристрастился къ Муру („Пери и ангелъ“ напечатанъ въ Сынѣ отечества 1821 г. № 20, стр. 243—265), и Пушкина это бѣситъ; „и что ему понравилось въ этомъ чопорномъ, подражателѣ безобразному восточному во-

1) А. Тургеневъ князю Вяземскому 13 августа 1819 г.

2) Князь Вяземскій Тургеневу 15 августа 1819 г.

3) Къ Ал. Тургеневу 11 октября 1819 г.

4) Къ нему же 22 октября 1819 г.

5) Къ нему же 1 ноября 1819 г.

6) 6 января 1820 г., сл. Русскій Архивъ 1867 г., ст. 652—3.

ображенію?.. Пора ему (Жуковскому) имѣть собственное воображеніе и крѣпостные вымыслы“¹⁾; иное дѣло Тассъ, Аріостъ, Гомэръ, другое Маттисонъ, Муръ, Саутей“²⁾).

Жуковскаго ждали изъ-заграницы въ концѣ 1821 года. Что онъ привезъ, спрашивалъ кн. Вяземскій, полагая, что онъ уже вернулся, „и хорошъ ли онъ пріѣхалъ?“ Письмо переходитъ къ критикѣ „Лѣтнаго вечера“, явившагося впервые въ № 4 изданія „Для немногихъ“ (1818 г.), а теперь перепечатаннаго въ Сынѣ отечества 1821 года (№ 4—5, стр. 252 слѣд.). „Если подумать, что Жуковскій, нагулявшись по бѣлой Европѣ, присылаетъ въ гостинецъ въ Россію такіе стихи, то въ самомъ дѣлѣ пришлось бы пожалѣть о затменіи Жуковскаго. А сволочи того и надобно... Какъ можно, говорятъ они, онъ писалъ въ старину оды и стихи къ свѣтлѣйшему, да удостоился писать къ самому благочестивѣйшему и самодержавнѣйшему государю, а теперь сбивается на стишки про солнышко.

Есть и про солнышко бѣда:

Нѣтъ ладу съ сыномъ никогда.

Это значитъ изъ попа да въ дьяконы. Оно и въ самомъ дѣлѣ почти такъ“³⁾.

6 февраля 1822 года вернулся Жуковскій, вернулся не-обновленный. „Жажду — тебя видѣть“, писалъ ему кн. Вяземскій (16 февраля 1822 г.); проситъ прислать Орлеанскую Дѣву, спрашиваетъ, почему не перевелъ онъ Лару или Жіаура⁴⁾, велъ ли онъ свой журналъ, сбрасывается-ли что-нибудь издать о своемъ путешествіи. „Соберись съ силами и напиши мнѣ, что дѣлать думаешь, какъ жить будешь. Сердце или нѣтъ, а я все одно тебѣ говорю: продолжать жить, какъ ты жилъ, совѣстно тебѣ. Отряхнись! Имѣй одну ногу долу, а другую горѣ, а обѣими на лоцинѣ тебѣ стоять не годится: приростутъ ноги и нальются свинцомъ. Въ тебѣ то и бѣда, что ты поэзію свою разносишь

1) Къ князю Вяземскому 1822 г., 2 января.

2) Онъ же Гнѣдичу того же года, 27 июня. Сл. такіе же укоры Гнѣдича самому Жуковскому за его манеру переводить второстепенныхъ авторовъ. Московскій Вѣстникъ 1827 г., ч. 6, стр. 318—19.

3) Къ Ал. Тургеневу 22 ноября 1821 г.

4) „Правда-ли, что Жуковскій переводитъ Гяура“? (Пушкинъ къ Ал. Тургеневу, Одесса, 1823 г., 1 декабря).

повсюду съ собою. Жасминъ жасминомъ остается и въ конюшнѣ, но какая отъ него прибыль? Подумай, что ты сдѣлалъ для славы своей и отечества въ теченіе этихъ пяти или шести лѣтъ? Накидалъ нѣсколько цвѣтовъ на истукановъ; рано или поздно они должны поблѣкнуть; имъ тутъ не мѣсто. Не забудь при томъ, что ты въ самой порѣ мужества: теперь пора рѣзать для потомства. А скажи по совѣсти, въ состояніи ли ты заняться трудомъ важнымъ посреди стихіи, въ коей трепещешь? Минерва выскочила не изъ напудренной головы. Пудра сушитъ мозгъ, повѣрь мнѣ. Ничего не пиши, то есть, не печатай, или одно достойное тебя... ты истощился на бездѣлицы. Въ тебѣ остается силы только на Геркулесовскій подвигъ. Тутъ ты опять окрѣпнешь. Конечно, много у тебя недоброжелателей и завистниковъ, но въ числѣ твоихъ осудителей встрѣчаются и судіи безпристрастные, не менѣе первыхъ строгіе, но основательнѣе. Скажу тебѣ искренно: едва-ли не я одинъ оставался рыцаремъ твоимъ, не изъ слѣпой привязанности къ тебѣ, но изъ вѣрнаго познанія тебя. Публика не видитъ тебя за кулисами; для нея ты и живешь только что на сценѣ¹⁾.— „О твоей бездѣйственности я болѣе жалѣю, нежели ты самъ, пишетъ Жуковскому Ал. Тургеневъ²⁾. Что ты голоса не подаешь о себѣ публикѣ? Зачѣмъ не кончилъ переводъ элегіи Парни?“³⁾ „Что душа Жуковскій, и что душа Жуковского? Не его дѣло переводить Виргилія... Въ такомъ занятіи дарованіе его не живетъ, а прозябаетъ; не горитъ, а курится; не летаетъ, а движется... Зачѣмъ бросилъ онъ баллады?... Свободный рыцарь романтизма записывается въ учебные батальоны Клейнмихеля классовъ!“⁴⁾.

Между тѣмъ явился Шильонскій узникъ (цензурное разрѣшеніе 14 апрѣля 1822 г.), и Пушкинъ восхищенъ. „Переводъ

1) Русскій Архивъ 1900 г., № 2, стр. 183—4

2) Приписка къ письму Блудова 9 іюня 1822 г. Сл. *ibid.* 1902 г. № 6, стр. 340 и выше стр. 296, прим. 2.

3) Отрывокъ перевода элегіи Парни („Въ разлукѣ я искалъ смягченья тяжкихъ бѣдъ“) относится къ 1806 году.

4) Князь Вяземскій къ Ал. Тургеневу 3 іюля 1822 года. „Разрушеніе Трои“ изъ Виргилія явилось въ Полярной Звѣздѣ 1823 года, но 5-мъ изданіемъ отнесено къ 1822 г. Сл. письмо князя Вяземскаго къ Жуковскому 13 декабря 1823 г.: „Что дѣлаешь“ Все-ли *Энеидишь*, или уже *не идешь*“? Сл. Русскій Архивъ 1900 г. № 2, стр. 191.

est un tour de force. Злодѣй! Въ бореньяхъ съ трудностью силачь необычайный ¹⁾. Должно быть Байрономъ, чтобы выразить съ столь страшной истиной первые признаки сумашествія, а Жуковскимъ, чтобы это перевыразить. Мнѣ кажется, что слогъ Жуковского въ послѣднее время ужасно возмужалъ, хотя утратилъ первоначальную прелесть. Ужъ онъ не напишетъ ни Свѣтланы, ни Людмилы, ни прелестныхъ элегій первой части Спящихъ Дѣвъ. Дай Богъ, чтобъ онъ началъ создавать ²⁾. Д. В. Давыдовъ „негодуетъ на Жуковского, зачѣмъ онъ только переводить“ ³⁾. „На балу я много занимался Жуковскимъ, писалъ Сперанскій дочери 25 генваря 1823 года: искалъ возбудить въ немъ чувство оригинальности, но онъ весь сжатъ въ переводахъ и, кажется, дальше не пойдетъ Делиля; и то хорошо, конечно, но жаль, что не болѣе“ ⁴⁾.

„Надо взять тебя подъ опеку, писалъ Жуковскому кн. Вяземскій, возмущенный тѣмъ, что онъ напечаталъ въ Полярной

1) Сл. кн. Вяземскій „Къ В. А. Жуковскому“. Подражаніе сатирѣ III Дедрео (1821 г.):

О ты, который намъ явить съ успѣхомъ могъ
И своенравный умъ, и безпорочный слогъ,
Въ бореньи съ трудностью силачь необычайный.

2) Гнѣдичу 27 сентября 1822 г.

3) Барсуковъ, Жизнь и Труды Погодина, I, 197 (Погодинъ подъ 16 октября 1822 г.).

4) На память гр. Сперанскаго Спб. 1872 г., стр. 597. Сл. тамъ же стр. 613 слѣд. письмо отъ 2 марта 1823 г.: Сперанскій сообщаетъ, что третьяго дня былъ на экзаменѣ въ Екатерининскомъ институтѣ. Три дѣвицы пѣли стихи Жуковского „на выпускъ“. „Стихи, жаль, посредственны. Говорятъ, что онъ спѣшилъ, но какъ бы онъ ни спѣшилъ, онъ долженъ былъ сдѣлать лучше. Горькое условіе великой славы! Тутъ нѣтъ почти ни одной искры тонкаго, глубокаго чувства, а предметъ такъ къ тому удобенъ. Какая тема: невинность, вступающая въ свѣтъ!“ Среди печатныхъ стихотвореній Жуковского есть нѣсколько написанныхъ на „выпуски“ 1821, 1824, 1826 и 1827 годовъ, но ни одного, относящагося къ 1823 году. Въ альбомѣ Жуковского, съ черновыми редакціями его стихотвореній 1822—3 годовъ, сохранилась прощальная пѣсня, написанная для воспитанницъ одного изъ институтовъ. (Нач.: Ты, здѣшнихъ мѣстъ благотворящій геній, сл. Бумаги Жуковского стр. 90). 1 июня 1823 г. Плетневъ сообщалъ Жуковскому, что въ Институтѣ, по случаю праздника 25-лѣтія, его стихи были прочитаны, Государыня растрогана и самъ Плетневъ невольно заплакалъ, дочитавшись до того мѣста, гдѣ Жуковскій упомянулъ о голосѣ „умольнувшемъ, но нами не забытомъ“.

Звѣздѣ „столько пустяковъ“. „Какъ миліонщику носить въ карманѣ мѣдныя деньги? Конечно, это все деньги для знатокъ, но для толпы это смѣшно. Въ полномъ собраніи твоихъ сочиненій они могли бы имѣть свое мѣсто, но тутъ выходить на показъ, въ ряду съ мальчишками-недорослями и состарѣвшимися прохвостами, съ бездѣлками, не имѣющими никакого выдающагося достоинства, ни въ отношеніи *мыслей*, ни въ отношеніи *выраженія*, есть дѣло непростительное, для друзей твоихъ прискорбное, для холоповъ литературныхъ утѣшительное и барышное... Какъ ни говори, тебѣ необходимо пустить свою жизнь въ выжигу; или рѣшиться только чувствовать, а ничего не производить.... Я похожъ на дьячковъ, которые другимъ поютъ: Тѣло Христово примите, источника безсмертнаго вкусите, а сами рыгаютъ въ то время лукомъ и сивухою. Говорю тебѣ о жизни, а самъ гнѣю со всѣхъ концовъ. Но какая разница между твоимъ запасомъ жизни и моимъ! Изъ капли твоей плоти выскочитъ дюжина моей братіи“ (9 февраля 1823 г.)¹⁾.

Умеръ Байронъ: „Завидую пѣвцамъ, которые достойно воспоятъ его кончину пишетъ кн. Вяземскій. Вотъ случай Жуковскому! Если онъ имъ не воспользуется, то дѣло кончено: знать пламенникъ его погасъ“²⁾. Жуковскому не до того было: онъ узналъ объ этой смерти, когда у него на рукахъ былъ сумасшедшій Батюшковъ³⁾. Но кн. Вяземскій настаиваетъ: „Неужели Жуковскій не воспоетъ Байрона? Какого же еще ждать ему вдохновенія? Эта смерть, какъ солнце, должна ударить въ геній его окаменѣвшій и пробудить въ немъ спящіе звуки! Или дѣло конченное? Пусть же онъ просится въ камеръ-юнкеры или въ вице-губернаторы“⁴⁾—„Жуковского я получилъ. Славный былъ покойникъ, дай Богъ ему царствіе небесное“⁵⁾.

Кромѣ „Пѣсни“ 1820 г. („Отнимаетъ наши радости“), приложенной къ собственному душевному настроенію, и „Шильонскаго узника“, Жуковскій ничего не взял изъ Байрона. Онъ побаивался его „яда“, какъ выразился кн. Вяземскій, не даромъ

1) Сл. Русскій Архивъ 1900 г. № 2, стр. 189. Сл. его же письмо къ Жуковскому 27 августа 1823 г. *ibid.* стр. 191.

2) Ал. Тургеневу 26 мая 1824 г.

3) Ал. Тургеневъ кн. Вяземскому 3 іюня 1824 г.

4) Ал. Тургеневу 11 іюля 1824 г.

5) Пушкинъ брату 1824 г. 13 іюня.

опасавшійся, что, перевода Child Harold'a, онъ начнетъ „дѣвствовать“. „Въ стихахъ Байрона находилъ я нѣкоторое сходство съ вами, писалъ Жуковскому Уваровъ (20 декабря 1814 г.), но онъ одушевленъ геніемъ зла, а вы геніемъ добра“¹⁾. „Ты на солнцѣ европейскомъ... долженъ очень походить на Байрона, еще не раздраженнаго жизнью и людьми“²⁾, говорилъ кн. Вяземскій (15/27 марта 1821 г.), когда Жуковскій переводилъ Шильонскаго узника. Но Шильонскій узникъ для Байрона поэма не показная. „Многія страницы его вѣчны“, писалъ Жуковскій Козлову (27 января 1833 г.), но и въ немъ есть что-то ужасающее, стѣсняющее душу. Онъ не принадлежитъ къ поэтамъ—утѣшителямъ жизни. Что такое истинная поэзія? Откровеніе божественное произошло отъ Бога къ человѣку и облагородило здѣшній свѣтъ, прибавивъ къ нему вѣчность. Откровеніе поэзіи происходитъ въ самомъ человѣкѣ и облагораживаетъ здѣшнюю жизнь въ здѣшнихъ ея предѣлахъ. Поэзія Байронова не выдержитъ этой повѣрки“, тогда какъ А. Н. Муравьевъ — „поэтъ въ благородномъ смыслѣ этого слова“. Главный источникъ байроновскаго негодованія—скептицизмъ, добавляетъ Жуковскій позднѣе (О меланхоліи въ жизни и поэзіи 1845 г.); „духъ высокій, могучій, но духъ отрицанія, гордости и презрѣнія... Но Байронъ сколь ни тревожитъ умъ, ни повергаетъ въ безнадежность сердце, ни волнуетъ чувственность, его геній все имѣетъ высоту необычайную (можетъ быть, отъ того еще и губительнѣе сила его поэзіи): мы чувствуемъ, что рука судьбы опрокинула созданіе благородное и что онъ прямодушенъ въ своей всеобъемлющей ненависти—передъ нами титанъ Прометей, прикованный къ скалѣ Кавказа и гордо клянуцій Зевеса, котораго коршунъ рветъ его внутренность“ (Слова поэта—дѣла поэта, 1848 г.).

Въ этомъ полуопредѣленіи поэтъ взялъ верхъ надъ моралистомъ. Не надо забывать, однако, что за характеристикой Байрона слѣдуетъ другая, отдѣняющая ее: характеристика названнаго нѣмецкаго поэта, одареннаго, какъ никто „чародѣйнымъ могуществомъ слова“, но „хулителя всякой святыни“, „свободнаго собирателя и провозгласителя всего низкаго, отвра-

1) Русский Архивъ 1871 г. № 2, стр. 0163—4.

2) Русский Архивъ 1900 г. № 2, стр. 182.

тительнаго и развратнаго⁴. Байронъ выигрывалъ въ этомъ со-сѣдствѣ.

Для поэта—художника, усвояющаго на своемъ языкѣ дру-гого поэта, выборъ переводовъ характеренъ: онъ рисуетъ че-ловѣка. Если не Байронъ, то Шиллеръ и Гёте образовали Жу-ковскаго, какъ самъ онъ признавался Ал. Тургеневу ¹⁾. По-вѣрка можетъ быть интересна. Изъ Шиллера переведено съ 1806 по 1833 г. 29 стихотвореній, не считая Орлеанской Дѣвы ²⁾; изъ Гёте между 1809 и 1833 годомъ всего 13 со включеніемъ общаго предисловія къ „Двѣнадцати Спящимъ Дѣвамъ“ ³⁾. Шиллеръ, какъ сентименталистъ и идеалистъ, долженъ былъ прійтись по сердцу Жуковскому: въ молодости гимнъ *An die Freude* подсказывалъ ему грёзы счастья, позже, когда настала другая череда, стихи Шиллера попли ему на встрѣчу, и онъ переводилъ ихъ, передавалъ, а переводы Жуковскаго были нерѣдко переживаніемъ въ чужихъ образахъ и метрахъ его лич-ныхъ ощущеній, отражали біографію его сердца. Орлеанская Дѣва привлекла его своимъ религиозно-нравственнымъ паео-сомъ; къ Шиллеру—философу онъ былъ равнодушенъ и под-писался бы подъ мнѣніемъ Гёте, что въ Шиллерѣ философъ нерѣдко портитъ поэта, но и юный Шиллеревскій протестъ, его громы въ защиту притѣсненныхъ, отзвуки *Sturm- und Drang'a*, были не по немъ. Въ 1819 году Вяземскій видѣлъ въ Варшавѣ

1) Письмо Ал. Тургенева къ брату Николаю 1824 г. 8 сентября изъ Лейпцига.

2) Въ одномъ томѣ сочиненій Шиллера (*Friedr. von Schiller, Sämmtlich Werke, X B., 1-e Abth. Stuttg. und Tubingen, Cotta, 1814*), нынѣ въ коллекціи А. О. Ояѣгина, Жуковскій набросалъ карандашемъ опыты переводовъ отдѣльныхъ стиховъ, строфъ и выраженій. Иные изъ этихъ переводовъ явились въ печати (Графъ Габсбургскій 1818 г., Торжество Побѣдителей 1828 г., Кубокъ, Поликратовъ Перстень, Жалоба Цереры, Сраженіе со змѣемъ 1831 г.), другіе были затѣяны: напр. выборка изъ *Perlen und Rathsel*: Жуковскій намѣревался переводить № 1 (*Von Perlen baut sich eine Brucke*), 3 (у него помѣчено 2), 6 (у него 3), 8 (у него 4), 10 (у него 5, съ надписью: *der Pflug*), 11 (у него 6). Изъ помѣченныхъ пере-ведены лишь №№ 1-й и 3-й. Начатъ переводъ *Pompeji und Herculanium* („Что за чудо совершилось“). — Въ бумагахъ Жуковскаго сохранилось начало переводовъ Донъ Карлоса и Димитрія (сл. бумаги В. А. Жуков-скаго, стр. 80—1).

3) Не отмѣчено въ 10 изданіи г. Ефремова, какъ переводъ: „Новая любовь“ (*Neue Liebe neues Leben*) и „Жалоба пастуха“ (*Schafers Klage- lied*).

Вильгельма Телля и писалъ Ал. Тургеневу: „Обрѣзано, исковеркано, дурно играно, а слезы такъ изъ глазъ и брыжжутъ, слезы восторга, слезы священныя, изъ которыхъ одна стоитъ рѣки слезъ, пролитыхъ за какую-нибудь „Федру“ или „Ифигенію“. Вотъ Жуковскому стезя, его достойная: переводы нѣмецкій театръ и сорви съ нашей сцены безплодное дерево, пересаженное къ намъ съ французской“ (24 іюля 1819 года).

„Моя богиня“ (1808—9) — первое стихотвореніе, написанное Жуковскимъ въ подражаніе Гёте. Разница настроеній замѣчательна: у Гёте она — богиня фантазиі, дѣйствительно дочь Зевса, вѣтренная, беззаботно порхающая; порхаетъ и короткій, вольный метръ; отъ всего стихотворенія вѣетъ земной жизнью и божественнымъ весельемъ. Жуковскій замедлилъ темпъ, уже одни постоянно дактилическія окончанія стиха настраиваютъ уныло. У Гёте Зевсъ любитъ свою вѣтрянницу-шалунью (hat seine Freude — An der Thörin), у Жуковскаго: „Ея величаетъ онъ Богинею-радостью“; ея превращенія безконечны: у Гёте она шествуетъ повелительницей со скипетромъ въ рукѣ, у Жуковскаго она „малиновкой носится“; порой, распустивъ волосы, отуманивъ взглядъ, она вѣетъ вѣтромъ вокругъ утесовъ (oder sie mag Mit fliegendem Haar Und dusterem Blicke Im Winde sausen Um Felsenwände); у Жуковскаго получился оссиановскій образъ:

Кудри съ небрежностью
 По вѣтру развѣявши,
 Во взорѣ уныніе,
 Тоской отуманена,
 Глава наклоненная,
 Сидитъ на крутой скалѣ
 И смотреть въ мечтаніи
 На море пустынное и т. д.

Въ болѣе позднихъ переложеніяхъ изъ Гёте, между которыми есть нѣсколько превосходныхъ, такой субъективной окраски меньше, но выборъ стихотвореній не показателенъ для Гёте и не свидѣтельствуетъ о сознательной оцѣнкѣ его поэзіи. Передъ нимъ Жуковскій благоговѣлъ, но благоговѣніе не есть пониманіе; человѣкъ замѣчательно цѣльный въ своей односторонности, онъ старался разгадать тайну дру-

гой цѣльности, безконечной въ своемъ разнообразіи, но его надпись къ портрету Гёте (1819 г.) ¹⁾, перифразирующая четверостишіе Андрея Тургенева (1803 г.) ²⁾, отзывается общимъ мѣстомъ:

Свободу смѣлю принявъ себѣ въ законъ,
Всеярящей мыслию надъ міромъ онъ носился
И въ мірѣ все постигнулъ онъ
И ничему не покорился.

Онъ прислушивается къ слову Гёте, записываетъ его рѣчи, паломничаетъ къ нему, посѣщаетъ, по его смерти, мѣста, гдѣ онъ жплъ и писалъ, слушаетъ рассказы о немъ, приглядывается ко всѣмъ мелочамъ его обстановки, точно хочетъ вдуматься—и рисуетъ въ домѣ Гёте!.. Въ этой чертѣ сквозитъ весь сентиментальный Жуковский. Онъ не могъ „постигнуть глубины Гёте“ писалъ Полевой ³⁾.

Въ 20-хъ годахъ, окруженный лучами европейской славы, Гёте царилъ въ Веймарѣ въ старческомъ величіи („полупокойникомъ“ зоветъ его Пушкинъ въ письмѣ къ Бестужеву 29 іюня 1824 г.). Далеко была за нимъ пора юношескихъ увлеченій, споровъ свободной индивидуальности и неугомоннаго сердца. Отъ всего этого онъ отказался, и его лозунгомъ становится теперь *Entsagung*, идеаломъ — гармоническое, всестороннее развитіе природныхъ наклонностей; надо образовать въ себѣ человѣка раньше, чѣмъ гражданина. Въ этомъ требованіи народность исчезаетъ передъ понятіемъ человѣчности, — оттого такъ вялъ его патриотизмъ; нарушеніе гармоніи тяжелѣе нарушенія правъ, отсюда отрицательное отношеніе къ революціи — и къ безпорядку, безформенности романтиковъ. Просвѣтители Вильгельма Мейстера — гармонически совершенные и совершенствующіеся люди, стоящіе поверхъ общества, которые они желаютъ обновить: культурный абсолютизмъ въ новой постановкѣ. Передъ такими руководителями можно поступиться и свободой; Тассо говоритъ Альфонсу, то есть Гёте Карлу Августу:

1) Пушкинъ находилъ, что эта надпись „прелестъ“. Сл. его письмо къ Жуковскому, май—іюнь, 1825 г.

2) Сл. выше стр. 58.

3) Очерки Спб. 1839 г. I, стр. 112.

Der Mensch ist nicht geboren frei zu sein,
Und für den Edlen ist kein schöneres Glück,
Als einem Fürsten, den er ehrt, zu dienen.

„Титаны“ поры бури и натиска забыты для Зевса:

Gross beginnet ihr, Titanen, aber leiten
In dem ewig guten, ewig schönen
Ist der Götter Werk, die lasst gewahren.

(Pandora).

Когда-то и Гёте бѣсновался съ толпой демонически-геніальныхъ юношей, теперь онъ съ мудрыми, божественно-благими:

Du hast getollt zu deiner Zeit mit wilden
Dämonisch-genialen jungen Schaaren,
Dann sachte schlossest du von Jahr zu Jahren
Dich näher an die Weisen, göttlich milden.

(West-östlicher Divan V).

Такое міросозерцаніе опредѣляетъ и отношеніе къ религіозному вопросу: Гёте перешелъ отъ пантеизма къ христіанству (Wilhelm Meisters Wanderjahre), даже къ конфессіонализму (заключеніе Фауста), и въ Парии (начатомъ въ 1821 году) возвеличенъ не суровый подвигъ покаянія, отвоевывающій спасеніе, а молитва страдальца къ всевѣдущему Брамѣ.

Въ старческой программѣ Гёте Жуковский нашелъ бы многое, отвѣчавши его собственной, неизмѣнно, послѣдовательно пережитой; у Гёте она явилась въ результатъ долгаго жизненнаго, художественнаго и філософскаго опыта, отъ демоническаго геніальничанья его молодой поры до успокоенія въ антикѣ и гармонической человѣчности. Рисунокъ былъ одинъ, но освѣщеніе, „душа“, исторія души — другія.

Веймаръ сталъ центромъ литературныхъ и любительскихъ паломничествъ. Рано стали являться и русскіе. Яковлевъ, съ 1810 года русскій посланникъ въ Касселѣ, познакомился съ Гёте въ 1807-мъ году: Гёте подарилъ ему кусокъ халцедона, а Яковлевъ заказалъ Morelli вырѣзать на немъ силуэтъ поэта, оттиски котораго и послалъ ему въ

дарь ¹⁾. Уваровъ, бывшій въ перепискѣ съ Гёте, поклонялся издали „послѣднему вѣнцу Германіи“ (die letzte Krone Deutschlands) и просилъ позволенія насладиться свиданіемъ съ нимъ, принесть дань удивленія ²⁾. Въ 1814 году видѣлъ его у великой княгинѣ Маріи Павловны А. С. Шипковъ ³⁾; въ 1818 г. посѣтилъ его домъ Блудовъ: Вигель, бывшій съ нимъ, отказался отъ осмотра: „такая набожность къ знаменитости, въ моемъ мнѣніи не столь высокой, еще живой, чужеземной, показалось мнѣ непонятною и неумѣренною“ ⁴⁾.

Были посѣщенія и другого рода: Однажды явилось двое русскихъ; es waren im ganzen recht hübsche Leute, рассказывалъ Гёте Эккерману (19 апрѣля 1830 г.), но одинъ изъ нихъ велъ себя не особенно любезно (nicht eben lebenswürdig): сдѣлавъ при входѣ молчаливый поклонъ, онъ просидѣлъ съ полчаса, не раскрывши рта и все время уставившись на Гёте. Тому это наконецъ надоѣло, и онъ сталъ молотъ всякій вздоръ, говорилъ о Соединенныхъ Штатахъ, о томъ, что на умъ взбрѣдетъ. Его слушателямъ это, должно быть, понравилось, потому что, видимо, они остались довольны (sie verliessen mich dem Anscheine nach durchaus nicht unzufrieden).

Въ 1821 году прибыла въ Веймаръ великая княгиня Александра Оеодоровна съ августѣйшимъ супругомъ и посѣтила Гёте, что онъ и отмѣтилъ въ своихъ Tag- und Jahresheften. Въ свитѣ великой княгини находился и Жуковский. На этотъ разъ его свиданіе съ Гёте было мимолетное: „отъ спѣху не могъ пробыть въ Веймарѣ болѣе одного дня, писалъ онъ великой княгинѣ 1 ноября 1821 года; тамъ имѣлъ счастье представиться Ея Императорскому Высочеству великой княгинѣ Маріи Павловнѣ, которая приняла меня съ очаровательною милостію, и ея-же милости обязанъ я свиданіемъ съ Гёте; онъ находился въ Іенѣ, и чтобъ я имѣлъ время къ нему съѣздить, Ея Высочеству угодно было прислать мнѣ коляску, и я въ тотъ-же день видѣлъ поэта. Но свиданіе съ нимъ было похоже

1) См. письмо Гете 3 января 1811 года въ веймарскомъ изданіи его сочиненій, IV Abth., 22 B., стр. 4, № 6091 и стр. 405—6.

2) Russische Revue XXVIII B. 1888 г.: G. Schmid, Goethe und Uwarow und ihr Briefwechsel, стр. 149: письмо 1812 г.

3) Записки, мнѣнія и переписка адмирала А. С. Шипкова. Berlin 1870 г., I, стр. 303.

4) Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, ч. V, стр. 104.

на плаваніе мое по Рейну; оно было туманно, хотя онъ принялъ меня съ ласкою¹⁾. Въ дневникѣ Жуковскаго подѣ 29-мъ октября помѣчено: „хлопоты о Гёте... Гёте: французскій языкъ; столъ; планъ Рима; бюсты; шкапъ съ минералами; о Märchen; Alles ist Wahrheit, Wahrheit und Dichtung“; подѣ 30-мъ тѣсгоже мѣсяца: „домъ бѣднѣй Шиллера; домъ Гёте“²⁾.

„Вы, вѣроятно, почувствовали при отѣздѣ изъ Іены, какъ мнѣ было больно, что вы не продлили вашего пребыванія, — писалъ Гёте Жуковскому. Когда неожиданно явившійся, быстро овладѣвшій вашей дружбой человекъ столь-же быстро удаляется, вы начинаете раздумывать, что бы вы могли ему сказать, о чемъ спросить, что ему сообщить. Не стану говорить, что все это я ощутилъ вдвое и втрое, когда вы и вашъ милый спутникъ покинули меня ночью въ моей кельѣ (Einsiedelei); пока примите мое письмо, какъ повтореніе моего „добро пожаловать“ и „прости“. Я желалъ бы, чтобы вы сохранили память обо мнѣ и при случаѣ рекомендовали меня благоволенію и милости прекрасной принцессы, прелестный образъ которой у меня ежедневно передѣ глазами. Олицетвореніе высокаго дарованія въ соединеніи съ небесной добротой и кротостью, она производитъ на меня самое благотворное вліяніе. Не пишу болѣе, дабы настоящее письмо мое быстрѣе дошло до васъ при посредствѣ высокихъ путешественниковъ, которымъ желаю всякаго счастья въ далекомъ пути“ (16 ноября н. ст. 1821 г. Сл. Tagebücher подѣ 15 ноября).

О другомъ посѣщеніи Веймара „высокими путешественниками“ говорить слѣдующее стихотвореніе Гёте:

Ihro Kaiserlichen Hoheit Grossfürstin Alexandra.

Der Frühling grünte zeitig, blühte froh,
Narciss' und Tulpe, dann die Rose so;
Auch Früchte reiften mit gedrangtem Segen
Der nah und nähern Sonnengluth entgegen;
Sie zierten wechselnd längst ersehnte Zeit
Und schmeichelten der tiefsten Einsamkeit.

1) Сл. Русская Старина 1902 г. № 5, стр 357.

2) Goethe's Tagebücher 1821 года 29 октября: Gegen Abend Herr von Joukowsky aus Petersburg mit Herrn von Struve; empfohlen von Graf Bruhl und von Boisserée's.

Da stellte sich dem Hoherstaunten dar
 Ein hehrer Fürst und Jugend Paar um Paar,
 So gut als lieb, ehrwürdig und erfreulich;
 Der innre Sinn bewahret sie getreulich,
 In Frühling-, Sommer-, Herbst- und Wintertagen
 Die holden Bilder auf- und abzutragen;
 So kann er dann, bei solcher Sterne Schein,
 Auch wenn er wollte, niemals einsam sein.

Жуковский отвѣчалъ на письмо Гёте изъ Петербурга 25 февраля 1822: для него письмо было неожиданною радостью, такъ же какъ и драгоценный подарокъ (?), его сопровождавший. Онъ читаетъ, и у него наворачиваются слезы. „То, что вы съ такой добротой говорите о нашемъ свиданіи, чувствовалъ и я и въ нашемъ присутствіи, и расставаясь съ вами. Это страстно желаемое и ожидаемое свиданіе длилось одну минуту, но минута эта была богата живыми ощущеніями; я ничего не могъ сказать вамъ потому только, что слишкомъ много хотѣлось сказать, но я васъ видѣлъ, и лучшіе дни моего прошлаго точно пронеслись предо мною вновь (*voire présence a été pour moi comme une récapitulation rapide des plus beaux temps de mon passé*). И много милыхъ тѣней встало (*und manche liebe Schatten steigen auf: gётевскій стихъ, по нѣмецки во французскомъ текстѣ письма*)... Примите же, дорогой великій человѣкъ, благодарность мою за это прошлое, такъ часто украшавшееся влияніемъ вашего генія, и за то мгновенье, въ которое я ощущалъ ваше благотворное присутствіе и которое вы совершили такимъ дружескимъ, отеческимъ рукопожатіемъ, и за трогательное письмо съ *wiederholtes Willkommen und Lebewohl*, которое свято сохранился, какъ священный даръ дорогой руки“. Жуковский показалъ письмо Гёте великой княгинѣ; она была глубоко тронута; „эта душа чистая, простая, глубоко чувствительная, можетъ быть понята вашей душой. Ей было хорошо съ вами, она сама это говоритъ, а въ васъ она должна была оставить милое впечатлѣніе, какъ явленіе друга, въ которомъ соединено все великое, и это великое не что иное, какъ природная чистота и невинная простота ребенка. *Tel est le caractère de cette chère princesse*“.

„Гёте, казалось, было пріятно, что Жуковский познакомилъ русскихъ съ нѣкоторыми его мелкими стихотвореніями“, запи-

салъ въ 1820 году Кюхельбекеръ послѣ краткаго свиданія съ „безсмертнымъ“, которому привезъ поклонъ отъ Клингера 1).

Нѣкоторыя стихотворенія Жуковскаго Гёте прочелъ позже въ англійскомъ переводѣ. „Г-нъ Боурингъ подарилъ мнѣ русскую антологию, писалъ Гёте, и это заставило меня ближе ознакомиться съ отдаленными восточными твореніями, которыя разнитъ отъ насъ малоизвѣстный языкъ. Такимъ образомъ не только возымѣли для меня значеніе нѣкоторыя славныя имена, но я могъ ближе узнать человѣка, съ которымъ давно сроднился въ любви и пріязни, — г-на Жуковскаго: онъ любезно почтилъ меня милыми стихотвореніями, и теперь я получилъ возможность полюбить и оцѣнить его въ болѣе широкихъ границахъ его творчества“ (Kunst und Alterthum).

Едва-ли антологія Боуринга 2), изъ которой и Байронъ узналъ о Жуковскомъ, „русскомъ соловьѣ“, дала Гёте понятіе какъ о поэзіи его пріятели, такъ и о „достоинствахъ“ нашихъ стихотворцевъ, какъ писалъ онъ впоследствии Борхардту, прибавляя, что и „по многимъ другимъ признакамъ“ (?) можно „предположить высокое эстетическое образованіе въ области русскаго языка“. Въ первой части своей Антологіи, Боурингъ перевелъ изъ Жуковскаго „Пловца“ (The mariner), Эолову арфу, Весеннее чувство (Song) — и „Тоску по миломъ“ (Romance, Нач. Gather'd yon dark forest over — Lo the gloomy clouds are spread), которую Жуковскій въ свою очередь пере-

1) Письмо изъ Веймара 10/22 ноября въ Мнемозинѣ, 1824 г., ч. I, стр. 89. Сл. Goethe's Tagebucher 1820, 22 ноября: Junger Petersburger von Kuchelbecker in Gefolg des Fursten Narischkin. Сл. отмѣтку подъ 23 и 27 ноября: der junge Herr von Kuchelbecker einen in Adular geschnittenen Junglingskopf vorzeigend. Въ Tag- und Jahreshften 1820 г. записано: D-r Kuchelbecker von Petersburg, von Quandt und Gemahlin, von Arnim und Mahler Ruhl brachten durch die interessantesten Unterhaltungen grosse Mannichfaltigkeit in unsere geselligen Tage—Кюхельбекеръ былъ секретаремъ при Александрѣ Львовичѣ Нарышкинѣ, „съ коимъ онъ былъ въ Парижѣ, гдѣ началъ читать въ Атенеѣ лекціи на французскомъ языкѣ о русской словесности. За либерализмъ въ его чтеніяхъ Нарышкинъ принужденъ былъ покинуть его“ (Плетневъ въ Перепискѣ Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ III, 409).

2) Россійская антологія. Specimens of the russian poets with preliminary remarks and biographical notices, transl. by John Bowring. London 1821 и 1823 г. 2 т.

велъ изъ Шиллера (Пикколомини III ч.); во второй части помѣщены „Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ“, „Свѣтлана“ (Catherine: имя это замѣнило Свѣтлану ради риѣмы), Теонъ и Эсхинъ и Пѣвецъ (The bard) ¹⁾. Съ „Пловцомъ“ переводчикъ не справился, потому что не могъ знать біографической подкладки стихотворенія ²⁾, да и стилистическая вольность Жуковского сбила его съ толку. У Жуковского пловца, испытавшаго бурю (т. е. самого Жуковского), Провидѣніе заноситъ къ райской обители (у Боуринга: on Eden's land), гдѣ онъ видитъ трехъ ангеловъ (Ек. Ав. Протасову и двухъ ея дочерей). Передъ ними онъ въ восхищеніи, хотѣлъ бы ими жить, для нихъ дышать, пусть имъ радость, ему страданье — „но... не дай ихъ пережить!“ Боуринга смутилъ первый стихъ 4-ой строфы: „О спаситель-Провидѣнье“ (сл. Пустынникъ, изъ Гольдсмита: дѣва — прелесть); подъ спасителемъ онъ и уразумѣлъ Христа; къ Нему, оказывается, обращены восторги и поклоненіе поэта въ 4-й и 5-й строфахъ, передѣланныхъ до неузнаваемости ³⁾.

Отголоскомъ перваго знакомства Жуковского съ Гёте былъ портретъ послѣдняго, посланный имъ Дмитріеву: „Я видѣлъ Гёте и могу поручиться вамъ за совершенное сходство портрета съ оригиналомъ“, писалъ онъ, вспоминая, что стихи Дмитріева: „Размышленіе по случаю грома“, переведенные изъ Гёте, были первые, выученные Жуковскимъ наизусть въ русскомъ классѣ, и что первые стихи написанные имъ безъ соблюденія стопъ, были ихъ подражаніемъ (11 февраля 1823 г.).

Лишь черезъ нѣсколько лѣтъ удалось Жуковскому побесѣдовать съ Гёте. Съ весны 1826 г. по октябрь 1827 г. онъ снова былъ за границей, чтобы поправить свое здоровье и приготовиться къ возложенной на него должности: быть наставникомъ наслѣдника престола. Первымъ продолжительнымъ этапомъ былъ для него Дрезденъ (съ 11 сентября н. ст. 1826 г. по 14/26 апрѣля 1827 г.), куда не задолго до него (31 августа)

1) Въ предисловіи къ I-й части стр. IX и въ коротенькой біографической замѣткѣ о Жуковскомъ на стр. 235 упоминаются Людмила, Марьяна роца (Marina roshcha — Mary's Goat?), Моя богиня изъ Гете и Двѣнадцать Спящихъ Дѣвъ.

2) Сл. выше стр. 131.

3) См. напр. начало послѣдней строфы: „Неиспытанная радость — Ими жить, для нихъ дышать: O, unutterable joy! In Thy light to breathe, to be и т. д.

явился и Ал. Тургеневъ съ душевно-больнымъ братомъ Сергѣемъ ¹⁾. „Я пріѣхалъ въ Дрезденъ, гдѣ напелъ свою родину, ибо живу вмѣстѣ съ Тургеневыми, писалъ Жуковскій Козлову Мы ведемъ вмѣстѣ прекрасный образъ жизни, сколько возможно при болѣзни... Я въ Дрезденъ перевезъ съ собою свою петербургскую комнату. Никуда не хожу и никого не вижу, ибо некогда. Надобно работать для Петербурга, и я намѣренъ вполне воспользоваться здѣшнею совершенною свободою, дабы въ Петербургѣ было мнѣ легче“ (28 сентября, 1826 г.). Онъ трудится надъ планомъ ученія, составляетъ историческія программы, имѣющія для него „всю прелесть его прежнихъ поэтическихъ работъ“ ²⁾. Мнѣ не только надобно учить, но и самому учиться, пишетъ онъ Елагиной (7/19 февраля 1827 г.), ни минуты нельзя употребить на что-нибудь другое“. Съ этой стороны болѣзнь для него благодѣяніе: она дала ему шесть мѣсяцевъ свободы и уединенія, чтобы посвятить свои мысли одной, главной, царствующей. „Могу сказать, что настоящая, положительная моя дѣятельность считается только съ той минуты, въ которую я вошелъ въ тотъ кругъ, въ которомъ теперь заключенъ. Прежде моя жизнь была dans le vague. Теперь я знаю, къ чему ведетъ она. Поэзія мною не покинута, хотя я и пересталъ писать стихи, хотя мои занятія и могутъ со стороны показаться механическими. Есть въ душѣ какая-то полнота, которая животворитъ ее. Я могъ бы назвать себя счастливымъ (ибо никакого положенія въ свѣтѣ не предпочту моему теперешнему и нахожу его достойнымъ меня), но для счастья нужно не одно свое; но и счастью я давно далъ другое имя. Я называю его *должность*. Подъ этимъ именемъ оно всегда сильно противъ судьбы“ ³⁾.

Утро отдано работѣ, трудъ прерывается прогулкой; послѣ обѣда читаетъ Ал. Тургеневъ, Сергѣй Тургеневъ и Жуковскій слушаютъ ⁴⁾. Затѣмъ Жуковскій начинаетъ показываться въ обществѣ; его дрезденскій дневникъ извѣстенъ пока лишь въ отрывкахъ, кое что досказываютъ его письма, дневникъ Ал. Тур-

1) Даты указаны дневникомъ Ал. Тургенева.

2) Къ Государынѣ 2/14 октября 1826 г.

3) Зейдлицъ I. с. стр. 141—2.

4) Ал. Тургеневъ брату Николаю 17 октября 1826 г. Въ ноябрѣ они читали вмѣстѣ статью изъ *Kleine Schriften* Бутервека I: *Die grossen Nationen unserer Zeit. Noch ein Fragment zur Philosophie der Weltgeschichte* (изъ дневника Ал. Тургенева).

генева и его письма къ брату Николаю; сохранился и собственноручный списокъ лицъ, съ которыми Жуковскій водилъ знакомство: русскіе и нѣмцы, въ числѣ послѣднихъ старыя знакомые: Тикъ и Фридрихъ ¹⁾; затѣмъ Карусъ, лейбъ-медикъ саксонскаго короля, поклонникъ Гёте и также живописецъ, воспитавшійся подъ вліяніемъ Фридриха; проф. Гассе, пасторъ Аммонъ и др. Но на первомъ мѣстѣ красуются: „*M-me de Reske. Тидге*“ ²⁾ — поэтъ и поэтесса душевно-сентиментальнаго и морализующаго настроенія, доживавшіе свой вѣкъ въ пору подъема романтизма.

Елизавета von der Reske (род. 1756 г.), урожденная имперская графиня von Medem, сводная сестра герцогини курляндской Доротеи, выступила въ литературѣ уже въ 1780 г. съ *Geistliche Lieder einer vornehmen kurlandischen Dame mit Melodien von Hiller*. Рано разведясь съ мужемъ, она предприняла въ 1784 г. путешествіе съ своею пріятельницею Софіей Беккеръ (въ замужествѣ Шварцъ), такой-же поэтессой, какъ она, и свела множество литературныхъ знакомствъ; она развѣзжаетъ, чтобы повидать ученыхъ мужей Германіи и принимать ихъ у себя, шутила мать Гёте. Сохранился альбомъ графини, на складныхъ стѣнкахъ котораго знаменитости оставили свои имена и пожеланія, между прочимъ, Глеймъ, Гердеръ, Гёте („*Zur Erinnerung des 13 Juli 1785*“), Клопштокъ, Moses Mendelsohn. На гармоніи „душъ“ построилась платоническая *amitié amoureuse* Елпзы и Тидге (род. 1752 г.), они странствовали по нѣмецкимъ Курорт'амъ и въ Италиі, Тидге и жилъ у графини въ Берлинѣ и теперь на покоѣ въ Дрезденѣ. Они мечтали, думали и работали вмѣстѣ; она была когда-то видной, тихой красавицей, онъ, ея обиженный природой, безстрастный Петрарка, счастливъ безконечно уже тѣмъ, что обрѣтается „въ небесной святынѣ ея присутствія“, и начинаетъ свое письмо къ ней (1 января 1825 г.) стихами изъ Тассо Гёте:

Wer neben diese Frau sich wagen darf,
Verdient für diese Kühnheit schon den Kranz.

Въ этомъ старосвѣтскомъ салонѣ, гдѣ царилъ дружба и милая воспоминанія вызывали слезы, бывали Ал. Тургеневъ и

1) Сл. выше стр 254 слѣд.

2) Дневники В. А. Жуковскаго, изд. И. А. Бычкова, стр. 192, прим. 2.

Жуковскій; оба они смолода сентименталисты, но теперь ихъ чувствительность приподнята: тревожить судьба Николая Тургенева, заподозрѣннаго въ событіяхъ 1825 года и принужденнаго скитаться за границей, на рукахъ больной Сергѣй Тургеневъ, и еще не пережита смерть Карамзина.

Жуковского и Тургенева она страшно поразила. Въ іюлѣ 1826 года Жуковскій писалъ Карамзиной подѣ впечатлѣніемъ недавней утраты ¹⁾, въ концѣ года писалъ къ ней снова въ отвѣтъ на ея недошедшее до насъ письмо. „Благодарю за письмо душевно. Вы въ немъ прислали мнѣ себя. Если бы что нибудь могло увеличить мое къ вамъ уваженіе, то, конечно, это письмо, въ которомъ такъ сильно выражается и наше великое несчастіе, и высокость души, которая способна его чувствовать и въ то же время быть съ нимъ *наравнѣ*, сносить его съ достоинствомъ и въ немъ же самомъ нѣкоторымъ образомъ находить свое подкрѣпленіе. *Любовь къ мертвому*; въ этихъ словахъ вся ваша остальная жизнь. Безъ счастья, но съ благотворнымъ святымъ воспоминаніемъ, которое не замѣнитъ счастья, но даетъ особенное величіе жизни. C'est notre second rédempteur, a nous propre, говорите вы. Tout le sublime de la douleur et de la vertu est dans cette expression. Въ этихъ словахъ выражается вся его прошедшая жизнь и вся ваша будущая. On a raison de dire que les grandes idées viennent du coeur, on peut ajouter: du coeur frappé par une grande perte et qui pour se soutenir doit absolument s'élever et quitter l'ordre des choses communes, où il se trouvait si tranquillement insouciant, bercé par son bonheur. Съ такимъ воспоминаніемъ, какое вы имѣете, съ такимъ сокровищемъ, которое не многимъ достается въ свѣтѣ, не могу представить себѣ, чтобы вы могли чувствовать совершенное *одиночество*. Кому же вѣрить невозможности разлуки, если не вамъ? Прекрасная жизнь, которой вы были свидѣтелемъ, есть самое ясное убѣжденіе, что она не миновалась. У васъ въ сердцѣ должны быть умилительныя надежды, успокаивающая вѣра; все это *наполняетъ* жизнь, и душа имѣетъ всегда свою пищу. Прошедшее не исчезло; милое пзъ присутственнаго сдѣлалось невидимымъ, но за то и не подверженнымъ пзмѣненіямъ; жертва принесена, но этой жертвой куплена высокая мысль, что уже не будетъ пзмѣненія для того,

1) Соч. Жуковского, 7-е изд. Ефремова, т. VI, стр. 510 слѣд.

что теперь вѣчно остается нашимъ. Съ такой вѣрой можно жить, ни въ комъ такая вѣра не можетъ быть такъ тверда и ясна, какъ въ васъ. Великое счастье, что я нашелъ здѣсь Александра и Сергѣя. Наше вмѣстѣ стоитъ десяти докторовъ“ — Приписка 12 января (1827 г./31 декабря 1826 г.): „Мечтательное въ жизни миновалось. Многого, что было самое драгоценное, нѣтъ уже въ ней, она не потеряла своей цѣны отъ этого, ибо никогда не должна потерять ее, но потеряла много прелести, мѣсто которой заступитъ строгая дѣятельность. Завтра новый годъ, вы встрѣтите его со слезами и съ молитвою къ нашему доброму генію, который невидимъ, но насъ не покинулъ. Прекрасная жизнь его у насъ въ душѣ. Благодарность ему за эту прекрасную жизнь никогда въ ней не изгладится. Завтра вы вѣрно вспомните о насъ. Мы принадлежимъ къ семейству Карамзина, и теперь мы все его семейство; хотя его съ нами нѣтъ, но онъ въ насъ по прежнему. За него ничего временнаго уже бояться нельзя, объ немъ только можно думать съ чистымъ, высокимъ чувствомъ, въ которомъ уже не можетъ быть измѣненія! Для насъ есть и случай и несчастья, для него одно неизмѣнное, благодарное воспоминаніе“¹⁾).

Таково было настроеніе друзей.

Въ кружкѣ графини можно было отвести душу: здѣсь вѣяло лаской и стариной. „Третьяго дня былъ у графини Рекъ, гдѣ видѣлъ и Тидге, пишетъ Ал. Тургеневъ въ дневникѣ подъ 9 декабря 1826 г. Добрая, умная и любезная старушка, живущая воспоминаніями о прежнихъ друзьяхъ — и бесѣдою съ многими оставшимися, вѣрными спутниками въ жизни — и цѣлительнымъ водамъ. Изъявила радушіе при свиданіи со мною, говорила о поэзій, о законодательствѣ, о Шекспирѣ и Шиллерѣ,

1) Письмо это внесено Ал. Ив. Тургеневымъ въ его дневникъ 1826—1827 года, откуда и сообщается. Въ тотъ же дневникъ, послѣ отмѣтки, что Тургеневъ выѣзжаетъ сегодня утромъ 27 августа изъ Францбруна, внесено письмо Ж(уковского) о К(арамзинѣ), обращенное къ Государынѣ по поводу смерти Карамзина. Это отрывокъ изъ письма Жуковского къ имп. Маріи Федоровнѣ, Эмсъ 14/26 июня 1826 г. (Русскій Архивъ 1896 г., № 3, стр. 457 слѣд.), начиная со словъ: „Вы потеряли друга“ и до конца. Начало печатнаго письма („Немедленно по прибытіи моемъ на мѣсто моего назначенія“) напоминаетъ начало неизданнаго французскаго, обращеннаго на слѣдующій же день (15/27 июня) къ имп. Александрѣ Федоровнѣ (Arrivé à ma destination je m'empresse de profiter и т. д.).

о нѣмецкой философіи и о вліяніи оной на всѣ явленія въ словесности и даже въ гражданскомъ быту народа“. 19 декабря бесѣда шла между прочимъ о религіозныхъ вопросахъ: о іезуитахъ и проискахъ католиковъ, о М-ме Krüdener, о Сократѣ и Христѣ, „о Неандерѣ, который совѣтовалъ не читать философіи и держаться только Мендельсона и Гарве“. „Пѣли элегію Тидге на смерть сестры нашей доброй Рекъ, герцогини курляндской, Der Ostermorgen, на которую Нейкомъ сочинилъ прекрасную музыку. Одна изъ дамъ, составлявшихъ хоръ, дочь Платнера, другая внучка его. И въ стихахъ Тидге много поэзи и чувства.... Кто-то пѣлъ: Der Erlkönig и другіе стихи Гёте: Wie kommt's, dass du so traurig bist? Мелодія отвѣчала содержанию этой меланхолической пѣсни“,—и Ал. Тургеневъ грустно раздумался о братѣ. „Послѣ музыки Тидге читалъ „Весну“ Клопштока, и высокое благочестіе поэта меня успокоило, возвысило духъ мой (примѣчательно, что въ старости Клопштокъ былъ совершеннѣйшій поэтъ лирическій, нежели въ молодости его; онъ же и въ 70 лѣтъ пѣлъ любовь его 13-лѣтняго возраста съ чувствомъ первой любви). Потомъ прочелъ онъ и свою пьесу, одну изъ лучшихъ: сраженіе при Кунерсдорфѣ, элегія“¹⁾.

29 декабря у графини „послѣ обѣда читаны нѣкоторыя пѣсни изъ шуточной поэмы Баггезена, послѣ смерти его изданной: Der Sündenfall въ 12 пѣсняхъ²⁾, гдѣ онъ осмѣиваетъ часто философію темную нѣмцевъ, особливо Фихте, и еще темнѣйшую терминологию ихъ. Рожденіе Евы забавно“.

Поклонникъ Клопштока, Виладда и особенно Фосса, Баггезенъ относился отрицательно къ новымъ теченіямъ нѣмецкой литературы, особенно къ романтикамъ и мистикамъ, которыхъ

1) Разсказъ о посѣщеніи графини 19 декабря разбитъ въ дневникѣ на двѣ записи, въ третьей — выписки изъ Ostermorgen и Kunersdorf. Въ письмѣ изъ Дрездена декабря 1826 г., напечатанномъ въ Московскомъ Телеграфѣ 1827 г., ч. XIII, № 2, стр. 162 слѣд. (Подпись Э. А. = Эолова Арфа, арамасское прозвище Ал. Тургенева), Тургеневъ общалъ поговорить о графинѣ Рекъ и ея вечерахъ. „У нея живетъ поэтъ Тидге, который вчера прочелъ намъ двѣ первыя пѣсни своей Ураніи. Въ нихъ много прекрасныхъ стиховъ и высокихъ мыслей“.

2) Adam und Eva oder die Geschichte des Sündenfalls. Ein humoristisches Epos in 12 Gesängen. Mit Vorwort von G. J. Goschen. Lpz. 1826. Большой Баггезенъ былъ въ Дрезденѣ въ сентябрѣ 1826 г. на пути въ Копенгагенъ, гдѣ и скончался 3 октября.

осмѣялъ въ Альманахѣ 1810 года ¹⁾, за что, какъ извѣстно, Арнимъ покаралъ его въ своей Gräfin Dolores, въ типѣ Waller'a.

Въ салонъ графини Жуковскій приносилъ знакомый намъ альбомъ, съ помѣтой на первомъ листѣ: 1820 г. 16/28 декабря. Берлинъ; къ четвертому приклеено, среди вѣтокъ засохшей Ländlergras, письмо великой княгини 22 июня 1819 г., въ которомъ она дала Жуковскому тему для его „Цвѣта Завѣта“— цвѣта воспоминаній ²⁾. 12 генваря 1827 г. Тидге внесъ въ этотъ альбомъ двустипіе по адресу Жуковского, такого-же „величателя женщины“, какъ онъ самъ:

Sie, die heilige Kunst, erhebet das Leben zur Wahrheit,
Was die Wirklichkeit nahm, giebt sie dem Leben zurück.

Rufe das Wort zuweilen mein Andenken zurück in das Herz
meines edlen Frauenlobs C. A. Tudge, Dresden 12 Jan. 1827.
Въ тотъ же день, на оборотѣ листа, къ которому приклеено письмо вел. княгини, графиня, очевидно ознакомившаяся съ его содержаніемъ, написала слѣдующее: In Beziehung auf das Grashalm, welches unsere erhabene Kaiserin Alexandra zur schönen Aufgabe eines Liedes für sie machte, wage ich es auf dem nähmlichen Blatte die Gefühle meines Herzens hinzuschreiben:

Der Friede, der bei Engeln wohnt,
Wird nie dem edlen Herzen fehlen!
Es giebt ein Reich hienieden, wo er thront—
Es ist das Reich der schönen Seelen.

Dresden den 12-ten Jan. 1827. Elise von der Recke, geborne Reichsgräfin von Medem.

1) Der Karfunkel oder Klingklingel-Almanach. Ein Taschenbuch für vollendete Romantiker und angehende Mystiker. Auf das Jahr des Gnade 1810. Tübingen, Cotta.

2) Объ этомъ-то альбомѣ („вашъ альбомъ“) говоритъ, вѣроятно, Жуковскій въ черновомъ письмѣ къ вел. княгинѣ (Дрезденъ 4/16 июня 1821 г.), первомъ изъ напечатанныхъ въ Шукинскомъ сборникѣ вып. I (1902 г.), стр. 66 слѣд., съ ошибочнымъ адресомъ: вел. кн. Николаю Павловичу. См. выше стр. 315 прим. 1. Письмо великой княгини напечатано мною въ моей замѣткѣ „Цвѣтъ Завѣта“, Литературный Вѣстникъ, т. V, 1903 г., кн. 3, стр. 299.

„Вчера проводили мы вечеръ у больного поэта Тидге, въ домѣ гр. Рекъ, и болтали о литературѣ старой и новѣйшей нѣмецкой, писалъ Ал. Тургеневъ брату Николаю (10 февраля 1827 г.). Тидге и гр. Рекъ многихъ или почти всѣхъ знатнѣйшихъ литераторовъ знали и прожили весь славный вѣкъ нѣмецкой словесности и сами въ немъ участвовали. Анекдоты ихъ о прежнихъ литераторахъ и авторахъ нѣмецкихъ любопытны. Они жили въ согласіи и въ дружбѣ и мало или рѣдко ругались въ журналахъ и брошюрахъ. Въ одномъ Веймарѣ гр. Рекъ нашла холодность и взаимную недовѣрчивость. Другихъ же славныхъ авторовъ Тидге называетъ братьями, подъ однимъ лавровымъ древомъ покоившимся“. Тидге разсказалъ анекдотъ о Баггезенѣ и прочелъ свои послѣдніе стихи къ другу:

Lass dich von der Unnatur
Neuer Singerer nicht stören!
 Sing uns Wahrheit und Natur!
 Wird durch dich *ein Herz* nur besser,
 Heller *eine Seele* nur,
 Blicke froh dann aufs Gewässer
 Wo dein Lebensschifflein fuhr.

На другой день Тидге долженъ былъ прочесть у графини свою еще не напечатанную сатирическую поэму въ 4-хъ пѣсняхъ, „конхъ предметы: свѣтъ, литература, философія, деньги, словомъ все, что составляетъ жизнь и хлопоты человѣка въ свѣтѣ“.

Въ этомъ приютѣ Жуковскаго любятъ. На стѣнѣ виситъ его гравированный портретъ, рядомъ съ портретомъ Тургенева; какъ то разъ графиня замѣтила Тургеневу, что его профиль смотритъ на портретъ Бѣттихера, такого же полигистора, какъ и онъ, а профиль Жуковскаго — на Клопштока, и Тургеневъ особенно радъ за сосѣдство друга¹⁾. По дорогѣ изъ Дрездена Жуковскій читаетъ „profession de foi M-me de Recke“, можетъ быть, ея „Gebete und religiöse Betrachtungen“ (Berlin, 1826 г.), и нѣсколько полемизируетъ съ ней, между прочимъ, относительно значенія молитвы и обряда²⁾.

1) Письмо къ Ник. Тургеневу 16 августа 1827 г.; сл. еще письма 9 и 31 августа.

2) Сл. Дневники В. А. Жуковскаго I. с. стр. 192—3 и прим. 3 на стр. 192.

За тихими дрезденскими днями послѣдовала сутолока Парижа, куда за Жуковскимъ направились и братья Тургеневы и гдѣ Сергѣй Тургеневъ вскорѣ скончался. Это бросило печальную тѣнь на Парижское пребываніе. „Je passerai tout le mois de Juin à Paris, писалъ Жуковскій государынѣ, mais je sens que je ne profiterai pas autant de mon séjour, que je l'aurais pu faire avant notre malheur.... C'est une maladie de langueur, qui empêche de prendre aucun intérêt à ce qui vous entoure“, говоритъ онъ о себѣ. Кое-что и кое-кого онъ видѣлъ, понялъ и угадалъ Парижъ, вспоминалъ впоследствии кн. Вяземскій, имѣвшій въ рукахъ его парижскій дневникъ ¹⁾. Онъ знакомится съ городомъ, посѣщаетъ лекціи, палату депутатовъ, школу глухо-нѣмыхъ, интересуется сценами въ судѣ исправительной полиціи и записываетъ свои театральныя впечатлѣнія. Но его личное знакомство ограничено: Шатобрианъ, Ламартинъ и „другія видныя лица“ не могли привлечь Жуковского, замѣчаетъ князь Вяземскій: его кружокъ — кружокъ Гизо и его пріятельницы, графини Разумовской, дружески связанной съ Тургеневыми; набожный филантропъ Дежерандо; Гизо — человекъ мысли, убѣжденія и труда, не рябившій въ глаза блесками французскаго убранства. Онъ былъ серьезенъ, степененъ, протестантъ вѣроисповѣданіемъ и всѣмъ своимъ умственнымъ складомъ, человекъ „вышпенныхъ воззрѣній и стремленій, свѣтлой и строгой нравственности и религіозности. Среди суетливаго и лихорадочнаго Парижа онъ былъ такое лицо, на которомъ могло остановиться и успокоиться вниманіе путешественника, особенно такого, какимъ былъ Жуковскій“ ²⁾. Жуковскій былъ уже въ Эмсѣ, когда графиня Разумовская писала ему о христіанской кончинѣ М-ме Гизо, которую Жуковскій оставилъ умирающей: она велѣла сказать Тургеневу и Жуковскому, что желала бы видѣть ихъ здѣсь, что они для нея не иностранцы, а родныя, благородныя души. И графиня Разумовская прибавляетъ отъ себя: „Вы водворились здѣсь, какъ будто составляете для нихъ

1) „Жуковскій въ Парижѣ 1827 г., май, іюнь“, сл. Полное собр. сочин. князя П. А. Вяземскаго, т. VII, стр. 470 слѣд., а также парижскія письма Ал. Тургенева къ брату Николаю.

2) Князь Вяземскій, тамъ же, стр. 473.

важнѣйшее въ жизни. Vous êtes transparent, bon Joukovsky: on vous aime vite et avec sécurité ¹⁾.

2/14 іюля Жуковскій прибылъ въ Эмсъ, гдѣ и остался до 16/28 августа, чтобы выдержать курсъ лѣченья. Около 25 августа н. ст. Ал. Тургеневъ собирался выѣхать изъ Дрездена въ Лейпцигъ — „или въ Веймаръ на встрѣчу Жуковскому и юбилею-празднику Гёте“ ²⁾, но поѣздка не состоялась. Поѣхалъ

1) Письмо 5 августа 1827 г.; сл. ея-же письмо 28 октября 1827 г.: vous êtes pour moi un objet de culte et d'admiration. См. кн. Васильчиковъ, Семейство Разумовскихъ т. 2-й стр. 210, 214.

2) Разумѣется годовщина рожденія Гете (28 августа). Въ 1831-мъ году А. И. Кошелевъ описалъ бывшее по этому поводу торжество. Сл. Н. Коллюпановъ, Біографія А. И. Кошелева II, стр. 3—4. — Тургеневъ былъ у Гете 16 марта 1826 г. проѣздомъ въ Россію, о чемъ и записалъ въ своемъ дневникѣ: „Былъ у Гёте. На порогѣ Salve. Издаетъ полныя сочиненія; сначала о занятіяхъ своихъ по натуральной исторіи: они нашия меня, не я набрелъ на нихъ“. Въ августѣ 1827 года Тургеневъ былъ снова въ Веймарѣ, но Гете не видѣлъ, веймарскія достопримѣчательности показывалъ ему канцлеръ фонъ-Мюллеръ, выпросившій у него для Гете автографъ Карамзина. „Гете, кажется, живетъ уже и теперь съ потомствомъ: о немъ говорятъ уже, какъ о воспоминаніи, съ почтеніемъ, которое питаютъ къ великому и вмѣстѣ давно минувшему. Показываютъ его жилище какъ святыню“ (Ал. Тургеневъ брату Николаю 7 августа 1827 г.). Въ дневникѣ Гете отмѣчено подъ 6 августа: russischer Staatsrath Tourgenjeff; 8 августа, когда онъ уже уѣхалъ, Мюллеръ рассказывалъ о немъ Гете (Goethes Unterhaltungen mit dem Kanzler Friedrich von Muller, hrsg. von Burckhardt, подъ 8 августа 1827 г.). Гете „истинный представитель не одной только поэзіи нѣмецкой, но всей германской цивилизаціи, писалъ Тургеневъ въ генварѣ 1827 года. Онъ живое выраженіе всей ихъ интеллектуальной національности, болѣе чѣмъ Шекспиръ англійской, а Вольтеръ французской, ибо онъ выражаетъ нѣмцевъ и въ поэзіи, и въ учености, и въ чувствахъ, и въ философіи, дѣйствуетъ на нихъ, а черезъ нихъ и на всю европейскую литературу, служить вмѣстѣ и вѣрнымъ, всеобъемлющимъ зеркаломъ Германизма, коего онъ самъ есть созданіе, между тѣмъ какъ Шекспиръ создалъ вкусъ и народность англичанъ въ поэзіи, а Вольтеръ образовалъ вѣкъ свой и французовъ, а не ими образованъ“ (Московскій Телеграфъ 1827 г., ч. XIII, № 4, стр. 341 слѣд: Письма изъ Дрездена 3—9/15—21 января. Подпись Э. А.—Золова Арфа). — О другомъ посѣщеніи Гете писалъ Тургеневъ Жуковскому 3 сентября 1829 г.: „Въ Веймарѣ въ первый разъ въ жизни насладился бесѣдою съ Гете за бутылкой вина и осыпавъ острымъ огнемъ Гете-сатирика надъ философами берлинскими“ (Русская Старина 1903 г., августъ, стр. 410—1). Сл. письмо Жуковского къ проф. Моргенштерну 18 сентября 1829 года: „J'ai reçu une lettre de Tourguéneff qui me

Жуковский, еще весь обвѣянный душевной атмосферой дрезденскаго салона и религіозно-элегическими воспоминаніями Парижа. Съ нимъ ѣхалъ его будущій тесть Рейтернъ, когда-то русскій гусарь, извѣстный живописецъ, котораго въ 1816 году онъ видѣлъ мелькомъ въ Дертѣ, гдѣ любовался его рисунками у профессора Зенфа и графини Юліи Мантейфель, но съ которымъ сошелся по душѣ лишь въ Эмсѣ 1826 года ¹⁾. Рейтернъ зналъ Гете съ 1814 года, постоянно встрѣчалъ въ немъ любовное, отеческое отношеніе къ его работамъ и замысламъ, и эти отношенія поддерживались перепиской и посылкой рисунковъ. О своемъ 4-дневномъ пребываніи въ Веймарѣ въ 1827 г. Рейтернъ писалъ женѣ, а Жуковский вносилъ въ дневникъ слѣдующія подробности: 31 августа н. ст. они посѣтили во Франкфуртѣ домъ Гёте: „гербъ, три лиры, дворъ, колодезь, мансарды, Гретхенъ“; подь 1-мъ сентября отмѣчено чтеніе Елены ²⁾, 3-го путешественники прибыли въ Веймаръ, — и Жуковский очутился въ Гётевской атмосферѣ. — 4-го сентября: „къ Гёте. Крыльце съ поворотомъ. Собака. Въ прихожей: Юпитеръ du Capitole, Pallas de Velletri. Въ гостиной Aldobrandini ³⁾, рисунки. Столъ съ портфелями. Голова Юноны колоссальная ⁴⁾. Баронъ Швейцеръ ⁵⁾, внукъ Вольфгангъ“ ⁶⁾. 5-го сентября: „путру у графини Эглофштейнъ ⁷⁾.... Внукъ Гётевъ у Рейтерна Вальтеръ. Къ Гёте: разговоръ о Рейтерновыхъ рисункахъ ⁸⁾,

parle aussi de Goethe avec lequel il a passe une heure délicieuse“ (Русская Старина 1890 г., ноябрь, стр. 479—80, сообщ. Кордтомъ; сл. Е. В. Пѣтуховъ, Памяти Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго. Юрьевъ, 1903 г., стр. 92—3).

1) См. письмо Жуковскаго къ роднымъ 10/22 августа 1840 г. (Русская Бесѣда 1859 г., кн. III, Изящная Словесность, стр. 18 слѣд.); Gerhard von Reutern. Ein Lebensbild S -Pb. 1894 г., стр. 48 слѣд.; сл. стр. 43, 137; дневникъ Жуковскаго 17 августа 1827 г. и слѣд.

2) Helene, klassisch-romantische Phantasmagorie. Zwischenspiel zu Faust.

3) Копія античной картины (Nozze Aldobrandini), сдѣланная въ 1797 г. Мейеромъ.

4) Слѣпокъ Юноны Ludovisi, подаренный Гете Шульцомъ.

5) Саксенъ-веймарскій министръ.

6) Внукъ Гете.

7) Графиня Генриетта Эглофштейнъ и ея дочь Юлія—хорошія знакомыя Гете.

8) Гете высоко цѣнилъ ихъ. См. Tagebucher, 11-er Band (Weimar 1900 г.), стр. 106; Eckermann I. с. подь 12 февраля 1829 г. и 1 апрѣля 1831 г.; Gerhard v. Reutern, I. с. стр. 51—2.

Въ музеумъ. Обѣдалъ въ трактирѣ. Миллеръ ¹⁾. Швейцеръ. Послѣ обѣда опять къ Гёте ²⁾. Отъ него къ Юліи Эглофштейнъ ⁴ 6-го сентября: „Къ Миллеру. Бумаги Гердера, Шиллера, Гёте и Якоби ³⁾. Lettres autographes.... къ Гёте. Разговоръ о Еленѣ, о Байронѣ. Гёте ставитъ его подлѣ Гомера и Шекспира ⁴⁾ Die Sonne, die Sterne bleiben doch echt; es sind keine Copien. Прогулка по саду Гёте; домъ, гдѣ онъ писалъ и сочинялъ Ифигенію. Домикъ герцога. Мѣсто, гдѣ сиживалъ онъ, Шиллеръ, Виландъ, Якоби, Гердеръ. Рѣчка Ильмъ. Къ Гёте. Усталость и дѣятельность. Мы пробыли недолго. Эффе́кть головы Юнониной“ ⁵⁾—7 сентября: „Чтеніе Гёте. Отъѣздъ. Въ полночь въ Лейпцигъ“.

„Въ полночь приѣхалъ Жуковский, писалъ изъ Лейпцига Ал. Тургеневъ брату Николаю (8 сентября 1827 г.). Мы свидѣлись въ 6 часовъ, ибо онъ не хотѣлъ будить меня. Онъ зажился три дня въ Веймарѣ въ бесѣдѣ съ Гёте, отъ котораго и я получилъ милое слово черезъ канцлера Миллера, который писалъ ко мнѣ. Жуковский жалѣеть, что меня не было съ нимъ у Гёте. Онъ былъ необыкновенно любезенъ и какъ отецъ съ нимъ. Жуковскому хотѣлось, чтобы я раздѣлилъ эти минуты съ нимъ, ибо онъ говоритъ, что Гёте и Шиллеръ образовали его, а съ нами вмѣстѣ онъ росъ и мужался съ нами, Тургеневыми, и душевное и умственное образованіе получалъ съ нами, начиная

1) Веймарскій канцлеръ Фридрихъ фонъ Мюллеръ. О его Goethes Unterhaltungen сл. выше, стр. 345, прим. 2

2) Вотъ что записалъ канцлеръ фонъ Мюллеръ подъ 5-мъ сентября: посѣщеніе Жуковскаго и Рейтерна привело Гете въ такое расположеніе духа, что онъ былъ любезенъ и общителенъ, какъ никогда еще, много говорилъ объ искусствѣ и былъ доволенъ, когда Мюллеръ убѣдилъ гостей подольше остаться въ Веймарѣ. Я такъ распорядился своимъ временемъ, что для друзей его у меня хватить, сказалъ Гете.

3) Johann Georg Jacobi.

4) Eckermanн l. c. подъ 26 марта 1826 г.; сл. отзывъ подъ 8 ноября того же года: ihm (т. е. Байрону) ist nichts im Wege als das Hypochondrische und Negative, und er ware so gross wie Shakspeare und die Alten; 5 июля 1827 г.: Byron ist nicht antik und ist nicht romantisch, sondern er ist wie der gegenwartige Tag selbst.

5) 6-го сентября они нашли Гете не совсѣмъ здоровымъ и нѣсколько усталымъ. Разговоръ шелъ о людяхъ, воображающихъ себя знатоками, всегда готовыхъ признать въ оригиналѣ копию. Пусть ихъ себѣ; „Sonne, Mond und Sterne müssen sie uns doch lassen und können sie nicht zu Kopien machen“. Friedr. von Muller, l. c.

съ брата Андрея; что только въ чужихъ краяхъ укрѣпилась душа его.... и что здѣсь началось европейское его образова-
ніе; и я жалѣю, что не былъ съ нимъ въ Веймарѣ, хотя и мно-
гаго бы лишился, что приобрѣлъ въ Лейпцигѣ. Но Гёте — не-
замѣнимъ.... Вотъ стихи Жуковского, оставленные имъ въ
Веймарѣ у Гёте“. Выписано извѣстное стихотвореніе:

Творецъ великихъ вдохновеній!
Я сохраню въ душѣ моей
Очарованіе мгновеній,
Столь счастливыхъ въ близи твоей ¹⁾).

Въ полуночной странѣ Гёте былъ ему „животворителемъ
жизни“, говоритъ Жуковскій и сѣтуетъ:

Почто судьба мнѣ запретила
Тебя узрѣть въ моей веснѣ?
Тогда душа бы воспалила
Свой пламень на твоёмъ огнѣ.

„Иной чудесно-пышный свѣтъ“ созданъ бы вокругъ него,
и самъ онъ прослылъ бы „поэтомъ“.

По мнѣнію фонъ Мюллера, отнеспагося къ Жуковскому съ
большой симпатіей ²⁾, Гёте принялъ слишкомъ равнодушно

1) Это стихотвореніе напечатано впервые въ 1872 г. въ Письмахъ Ал.
Тургенева къ брату Николаю. Интересно сличить первые стихи съ эпи-
логомъ Ганса Кюхельгартена (написаннаго, какъ полагають въ 1827 г.,
но вышедшаго въ 1829 г.):

*Страна высокихъ помысленій...
Тебя объявъ, какъ вѣкій геній,
Великій Гетте бережетъ
И чуднымъ строемъ пѣснопѣній
Свѣваетъ облако заботъ.*

2) Въ альбомѣ Жуковского онъ вписалъ слѣдующіе стихи, навѣян-
ные гетевскимъ Тассо I, 1, въ концѣ 6-ой реплики Леоноры (Die Stätte,
die ein guter Mensch betrat):

Wohl ist sie heilig, wie der Dichter lehret,
Die Stätte, die ein edler Mensch betrat!
Im unsichtbaren Geisterringe kehret
Sein Segen wieder, fruchtet früh und spat,
Weckt in der Enkel bluhenden Geschlechtern
Den zarten Sinn des Schönen und des Rechten.

превосходное прощальное стихотворение Жуковского (herrliches Abschiedsgedicht)¹⁾, хотя напелъ въ немъ нѣчто восточное, глубокое, гиратическое (Priesterliches). Говоря о стихахъ баварскаго короля (Nachruf an Weimar), онъ осуждалъ ихъ крайнюю субъективность: не слѣдуетъ поэту такъ трагично изображать прошедшее вмѣсто того, чтобы признать настоящее и наслаждаться имъ, убивать прошедшее ради возможности — воспѣть его; надо представлять его, какъ оно изображается въ Римскихъ элегіяхъ. „Потому то, что люди не умѣютъ оживить, оцѣнить настоящаго, они и вождѣляютъ будущаго и кокетничаютъ съ прошлымъ. И Жуковскому надлежало бы болѣе обратиться къ объекту“ (mehr aufs Objekt).

Таковъ отзывъ Гёте, записанный Мюллеромъ въ день отъѣзда Жуковского (7 сентября). Въ одинъ изъ своихъ альбомовъ съ автографами (на футлярѣ: Berlin den 3 april 1821) Жуковский помѣстилъ гравюру съ портретной медали Гёте и нѣсколько листовъ, сорванныхъ въ его саду, съ припиской: 6 сентября 1827 г. Тутъ же вклеена страничка съ стихами Гёте, очевидно вырѣзанная изъ какого нибудь альбома. Стихи эти, напечатанные уже въ изданіи стихотвореній Гёте 1815—19 г., внесены имъ 28 декабря 1813 г. въ альбомъ Генриетты Лёръ²⁾; въ листкѣ, попавшемъ къ Жуковскому, они подписаны: „Weimar 18 marz 1825. W. Goethe“. Стихотворение, озаглавленное въ печати „Eigenthum“, — манифестъ великаго объективиста, умѣвшаго, какъ никто, пользоваться прекраснымъ настоящимъ. Можетъ быть, листокъ — подарокъ фонъ Мюллера; точно иллюстрація къ отзыву Гёте о Жуковскомъ, такъ внятно она подчеркиваетъ требованіе: mehr auf's Objekt:

Ich weiss, das mir nichts angehört,
Als der Gedanke, der ungestort
Aus meiner Seele will fliessen,
Und jeder günstige Augenblick,

Wenige aber unvergessliche Stunden heiter-innigsten Zusammenseins werden Erinnerung und frommen Wunsch immerdar in meiner Seele erneuern.
Friedrich von Muller, Weimar am 6 Sept. 1827.

1) Стихотвореніе написано было рано утромъ въ день отъѣзда Жуковского и вручено Мюллеру для передачи Гете.

2) Сл. Goethes Gedichte, веймарское изданіе, I, стр. 395, прим. къ стр. 103.

*Den mich ein liebendes Geschick
Von Grund aus lässt genießen.*

Жуковский и Рейтернъ подарили Гёте прекрасные рисунки ¹⁾, Жуковский — картину Каруса, имѣвшую аллегорическое отношеніе къ смерти Байрона: романтический ландшафтъ, на балконѣ арфа, освѣщенная лучами мѣсяца, за нею пустое кресло, на которое наброшенъ богатыми складками плащъ. Надпись: *Offrande à celui dont la harpe a créé un monde de prodiges, qui a soulevé le voile mystérieux de la création, qui donne la vie au passé et prophétise l'avenir.* Эту картину видѣли въ гостинной Гёте еще въ 1829 году ²⁾. Къ тому же свиданію относится, вѣроятно, и подарокъ Гёте Жуковскому: каллиграфически переписанная такъ называемая маріенбадская элегія (*Was soll ich nun vom Wiedersehen hoffen*), внушенная 74-лѣтнему старику страстнымъ увлеченіемъ красавицей von Lewezow. На спискѣ элегіи собственноручно написанъ авторомъ эпиграфъ (помѣщаемый и въ заголовкѣ элегіи):

Und wenn der Mensch in seiner Qual verstummt,
Gab mir ein Gott zu sagen, was ich leide ³⁾.

„Елена“, конченная около 29 генваря 1826 года, была еще новинкой, когда Жуковский читалъ ее, подъѣзжая къ Веймару. Понятно, что въ бесѣдахъ съ Гёте зашла рѣчь и объ этой символической фантазмагоріи („Разговоръ о Еленѣ“, записалъ Жуковский) и Гёте ее комментировалъ; въ дневникѣ Гёте (*Tagebücher*) подъ 6-мъ сентября читаемъ: *Herr von Reutern und Joukoffsky, commentierendes Gespräch über Helena.* Въ томъ же году въ XXI-мъ № Московскаго Вѣстника, органа московскихъ шеллингистовъ, Шевыревъ помѣстилъ стихотворный переводъ:

1) См. *Goethe's Tagebucher* подъ 5 и 6 сентября. См. дневникъ Жуковского 17/29 августа 1833 г.: „рисунки Гете Рейтерну“.

2) См. письмо Шевырева къ А. П. Елагиной: Гете „показалъ намъ подарокъ Жуковскаго, картину, изображающую арфу у стула, на которомъ кто-то сидѣлъ и исчезъ, оставивъ плащъ свой Луна ударяетъ на струны. Эта мысль взята изъ его Елены“. *Русскій Архивъ* 1879 г., кн. I, стр. 139.

3) См. П. А. Висковатовъ, „Война мышей и лягушекъ“, въ годовомъ отчетѣ гимназіи и реальнаго училища Видемана за 1900—1 г., стр. 8, прим. 1 и указанную тамъ литературу.

„Отрывокъ изъ междудѣйствія къ Фаусту: Елена, сочиненіе Гёте“ (стр. 3 слѣд.) и объяснительную статью (стр. 79 слѣд.), въ которой Эвѳоріонъ оказывается рожденнымъ „отъ сочетанія преобразенной красоты (Елена) съ великодушнымъ рыцарствомъ“ (Фаустъ), и вмѣстѣ съ тѣмъ символомъ „живой музыкальной поэзіи христіанскаго вѣка“, которая исчезаетъ, какъ Эвѳоріонъ, потому что исчезли на землѣ и духовная красота и великодушное мужество. Борхардъ перевелъ эту статью и послалъ ее Гёте вмѣстѣ со своей замѣткой: *Goethes Würdigung in Russland zur Würdigung von Russland* ¹⁾. Гёте выразилъ свое удивленіе, что на отдаленномъ востокѣ къ нему питаютъ „чувства столь же нѣжныя, сколько глубокиа“. Далѣе онъ снисходитъ — снисхожденіе великана: разрѣшеніе Шевыревымъ проблемъ, узла проблемъ, поставленныхъ въ Еленѣ, показалось ему столь же проникательнымъ, сколько простодушнымъ (*so entschieden einsichtig, als herzlich fromm* ²⁾). Къ сочувствію изъ Россіи онъ привыкъ — и поминаетъ о своихъ пріятнѣйшихъ отношеніяхъ къ Жуковскому (*ein höchst erquickliches Verhältniss zu Herrn Schoukowsky*).—Когда въ 1831 году А. И. Кошелевъ былъ у Гёте, они „разговаривали о нѣмецкой литературѣ: Гёте очень любитъ нашего Жуковскаго, съ удовольствіемъ говорить о часахъ, которые съ нимъ провелъ, . . . и вообще много ожидаетъ отъ русскихъ“ ³⁾.

1) См. Московскій Вѣстникъ 1828 г., ч. 9, № XI стр. 326 слѣд

2) См. *Kunst und Alterthum* VI. 2. Одобреніе Гете было нѣсколько условно: по поводу разбора Шевыревымъ второй части Фауста онъ писалъ въ *Kunst und Alterthum*: „Шотландецъ стремится проникнуть въ произведеніе, французъ понять его, русскій себѣ присвоить. Такимъ образомъ гг. Карлейль, Амперъ и Шевыревъ вполнѣ представили, не сговариваясь, всѣ категоріи возможнаго участія въ произведеніи искусства или природы“. Сл. Погодинъ, Воспоминаніе о Шевыревѣ, стр. 15, и письмо Пушкина къ Погодину 1 іюля 1828 г: Московскій Вѣстникъ — „первый, единственный журналъ на святой Руси“, долженъ „оправдать ожиданія истинныхъ друзей словесности и одобреніе великаго Гете. Честь и слава милому нашему Шевыреву! Вы прекрасно сдѣлали, что напечатали письмо нашего германскаго патриарха. Оно, надѣюсь, дастъ Шевыреву болѣе вѣса въ мнѣніи общемъ“.

3) Н. Коллюпановъ I. с. стр. 7. П. Бартеневъ рассказываетъ, со словъ Кошелева, что когда онъ явился къ Гете съ рекомендаціей вел. кн. Маріи Павловны, тотъ принялъ его съ чиновничьей важностью и говорилъ только о русскомъ дворѣ. Чтобы какъ-нибудь перевести бесѣду на другой предметъ, Кошелевъ сказалъ, что привезъ ему поклонъ отъ Жуков-

22 марта 1832 года скончался Гёте, и Жуковский снова паломничаетъ въ Веймаръ, собирая впечатлѣнія по слѣдамъ Гёте и Шиллера, которыя и вноситъ въ свой дневникъ. Въ Готѣ онъ видѣлъ „Гётевы рисунки“ (1833 г. 11/23 августа). Въ Веймарѣ 12/24 августа: „Анекдоты о Гёте. Nie in einem schlechten Theater sich zu langweilen, nie ein Kompliment zu sagen, ohne es aufrichtig gedacht zu haben.— Von solchen Dingen spreche ich nur zu Gott“; подъ 13/25 августа: „Бюсть Гёте Давида (David d'Angers)... О привязанности Гёте къ Шиллеру. Виландово письмо о Гёте къ Якоби. Письма отца и матери.... Въ домѣ Гёте. Комната медалей: медали среднихъ вѣковъ; бронзы; слѣпокъ съ Шиллерова черепа“; (слѣдуютъ нѣсколько анекдотическихкихъ замѣтокъ о Шиллерѣ); 14/26 августа: „По утру у канцлера Миллера. О Гётевомъ Фаустѣ“.

Дневникъ 1832 года полонъ указаній на интересъ къ Гёте и бесѣдъ о немъ: читано Ueber Italien, Fragment eines Reise-journals съ замѣткой: „ясность и живость. Нѣтъ ничего лишняго. Обо всемъ собственная мысль. Eigenthümlichkeit, Fasslichkeit und Bild — характеръ Гётева слога. Краткость и легкій порядокъ въ изложеніи; скрытая, но ощутительная мысль“; въ другомъ мѣстѣ указаны чтенія: Einfache Nachahmung der Natur, Manier, Styl; Joseph Bossi, Leonard da Vinci, Abendmahl zu Mailand ¹⁾, Hermann und Dorothea, Ueber die Malerei (вызвавшее большую замѣтку въ дневникѣ); по поводу записокъ Гёте: „vornehmer Styl“.

Въ 1836 году А. Тургеневъ, осматривая домъ Гёте, „его сокровища“ и кабинетъ, видѣлъ въ его альбомѣ надпись Жуковскаго 25 августа (ст. ст.) 1833 г.; воспоминанія о Гёте вызвали у него мысли о Жуковскомъ — поэтѣ. вмѣстѣ съ канцлеромъ Мюллеромъ онъ посѣтилъ Тифуртскій сельскій домикъ, „гдѣ въ продолженіи болѣе сорока лѣтъ разцвѣталъ цвѣтъ

скаго. „А, Жуковский! Онъ далеко поидеть! Онъ, кажется, уже дѣйствительный статскій совѣтникъ?“ Кошелевъ ушелъ раздосадованный. На другой день онъ былъ на званомъ вечеру у Гете, гдѣ „великій человекъ“ былъ уже совѣзмъ иной. Общество состояло изъ писателей и художниковъ и разговоръ тому соотвѣтственный“. Русскій Архивъ 1884 г. № 1, стр. 248.

1) Въ толкованіи „Тайной Вечери“ Леонардо да Винчи Гете раздѣлялъ взгляды Босси. См. объ этомъ Strzygowski въ XVII томѣ Goethe-Jahrbuch (1896 г., стр. 138 слѣд.) и Euphorion IX B., стр. 316 слѣд.

германской словесности, гдѣ Виландъ, Гердеръ, Гёте, Шиллеръ собирались мыслить въ службѣ при дворѣ въ услышаніе всей Европы и потомства“ и „паганизмъ Виланда не чуждался ни библейской поэзіи Гердера и идей его о судьбѣ человечества, ни Шиллеровой религіи сердца христіанскаго, ни *хладныхъ сомнѣній всеобъемлющаго, но не все постигающаго Гёте-Мифистобеля*“. Въ Тифуртѣ приготавливалось будущее Германіи, созидались новые элементы для европейской литературы, для Байрона и Вордсворта, для Гизо и Форіэля, для „души Сталь“, „наконецъ, для нашего Жуковскаго, котораго, кажется; Шиллеръ и Гёте, Грей и Вордсвортъ, Гердеръ и Виландъ ожидали, дабы воскликнуть въ пророческомъ и братскомъ сочувствіи: „Мы все въ одну сольемся душу“—и смисль въ душу Жуковскаго.... Этому не земному и этому лучшему своего времени, „dem besten seiner Zeit“, этой душѣ ввѣрили, отдали они свое лучшее и будущее миллионовъ! Геній Россіи храни для ней благодать сію. Да принесетъ она плодъ свой во время свое“.—Въ домѣ Гёте, гдѣ ожидалъ ихъ Крейтеръ, Тургеневу позволили взять „три лоскутка съ помарками и съ исправленіями рукою“ поэта, въ одномъ портфелѣ онъ видѣлъ „собственноручныя рисунки Гёте карандашемъ (другое сходство съ нашимъ Жуковскимъ).... Тутъ и дерево, нарисованное для Гёте нашимъ воиномъ-живописцемъ Рейтерномъ: онъ часто любовался имъ“ 1).

„Мысли о Гёте и Шиллерѣ даютъ особенную прелесть этимъ мѣстамъ“, записываетъ Жуковскій въ дневникѣ 25 августа/6 сентября 1838 г., снова очутившись среди веймарскаго прошлаго и своихъ воспоминаній, которыя пытается обновить: „первое посѣщеніе Гётева дома“ (27 августа); „въ домѣ Гёте;.... разговоръ съ Экерманомъ и Крейтеромъ 2). Описание смерти Гёте.... Пирамида изъ папки: Sinnlichkeit—зеленый цвѣтъ, Verstand—голубой, Vernunft—желтый, Fantasie—красный“ (28 августа); 29-го августа осмотръ дворца: комнаты Виланда и Шиллера; 1-го сентября: „по утру съ великимъ кня-

1) См. Отрывки изъ записной книжки путешественника въ Современникѣ 1837 г. т. V, стр. 294 слѣд.; письмо Ал. Тургенева къ кн. Вяземскому 3 и 21 іюля 1836 года изъ Москвы. О письмѣ Вальтера Скотта къ Гете, списанномъ Тургеневымъ, см. Eckermann I. с. подъ 25 іюля 1827 г.

2) Friedrich Theodor Kräuter, секретарь бібліотеки, приведшій въ порядокъ Гетевскій архивъ.

земь въ домѣ Гёте“; 2-го: „посѣщеніе Гётевой гробницы“; 3-го: „рисоваль въ кабинетѣ Гёте“. На пути изъ Веймара осмотрѣ Schillerhöhe, деревни, гдѣ Шиллеръ жилъ въ 1788-мъ году и писалъ свои первыя стихотворенія. — „9 мая Шиллеровъ памятникъ открывается въ Штутгардѣ, записаль Жуковскій 11/22 апрѣля 1839 года (въ Гаагѣ) — мнѣ бы явиться туда съ стихами! Увидимъ!“¹⁾.

Это дневникъ энтузіаста, не молчаливаго, но „творецъ великихъ вдохновеній“ въ немъ не сквозить. Мы знаемъ, что дневникъ Жуковскаго былъ для него матеріаломъ для писемъ къ друзьямъ и высокопоставленнымъ лицамъ, для описаній и „размышленій“, попадавшихъ въ печать. О Гёте онъ нигдѣ не отозвался. „Жуковскій въ кабинетѣ Гёте еще для меня любопытнѣе, чѣмъ у рейнскаго водопада или на высотахъ Сентъ-Готарда“, замѣтилъ кн. Вяземскій; пріятно смотрѣть его глазами на природу, „но еще пріятнѣе и полезнѣе сводить черезъ него знакомство съ знаменитыми современниками“²⁾. — Что такое воспоминанія о Гёте, о которыхъ говоритъ Жуковскій въ дневникѣ 1832 года подъ 28 іюня/10 іюля изъ Ганновера: „утро дома. Чтеніе воспоминаній о Гёте“?

Въ салонѣ А. Ѳ. Россетъ (съ 1832 года замужемъ за Смирновымъ), куда Жуковскій и Пушкинъ ввели Гоголя, и въ домѣ Карамзиныхъ Жуковскій встрѣчался со своими старыми друзьями, кн. Вяземскимъ, Ал. Тургеневымъ, Блудовымъ, Полетикой и другими. Толковали о литературѣ, о политикѣ; баронесса Клебекъ пѣла романсъ Вейрауха (*Land meiner seligsten Gefühle*), напоминавшій Жуковскому „его идеальную кухню Марію Мойеръ“³⁾; Тургеневъ знакомилъ съ новостями французскаго романтизма, Жуковскій являлся представителемъ нѣмецкой литературы, говорилъ о *Vehmgericht*’ѣ, рассказывалъ скандинавскія легенды⁴⁾. Россетъ-Смирнова ловить разговоры и записываетъ на лету имена и анекдоты. „Вчера вечеромъ у Карамзиныхъ Орестъ и Пиладъ (Жуковскій и Пушкинъ) болтали въ углу, а я училась у нихъ, записывая то, что они говорили. Они говорили о Лессингѣ, о Гёте, Шиллерѣ,

1) См. еще въ дневникѣ посѣщеніе Гетева дома 27 марта 1840 г.

2) См. Полное собр. сочиненій кн. Вяземскаго I, стр. 269.

3) Записки А. Ѳ. Смирновой I, 69.

4) Тамъ-же стр 51, 53.

Клейстѣ" ¹⁾). — Главное мѣсто отведено Гёте и Шиллеру; можетъ быть, отзывы Жуковскаго восполняютъ то, чего напрасно ждалъ отъ него кн. Вяземскій.

„Жуковскій, вѣрный своему Гёте, продекламировалъ Коринескую невѣсту“, отмѣчаетъ Смирнова ²⁾); по словамъ Жуковскаго Гёте „ни эгоистъ, ни равнодушный, а просто не любить сентиментальностей. Онъ уважалъ Карамзина и серьезно интересовался нашими писателями“ ³⁾, „обѣщаетъ русской литературѣ великую будущность. Жуковскій видѣлъ у него Шлегелей и говорилъ о нашей славянской поэзи, о нашихъ пѣсняхъ.... Гёте относится иронически къ нѣмецкимъ философамъ и.... наименѣе нѣмецъ изъ всѣхъ нѣмцевъ; онъ больше думаетъ, чѣмъ мечтаетъ (schwärmt)“ ⁴⁾. Его голова „была всегда спокойна, это видно по его лицу“ ⁵⁾. „Говорятъ, что Шарлотта любила Гёте, сказалъ Жуковскій, но не хотѣла отказывать Кестнеру, такъ какъ она его знала раньше Гёте, который былъ очень друженъ съ нимъ. Но Шлегель мнѣ говорилъ, что Гёте никогда не женился бы на ней: у него тогда еще не было ни малѣйшихъ matrimonіальныхъ склонностей“. Онъ искренно любилъ свою сестру и говорилъ Жуковскому, „что смерть сестры была однимъ изъ величайшихъ несчастій его жизни. Но у него была натура не экспансивная, онъ не часто говорилъ о томъ, что чувствовалъ“ ⁶⁾. „Я говорилъ съ Гёте объ Италиі; онъ сказалъ мнѣ, что итальянцы родились классикамъ; они навсегда останутся греками, латинянами, этрусками, троянцами, даже сарацинами; они въ такой степени являются продуктомъ безчисленныхъ колонизацій и самыхъ разнообразныхъ цивилизацій, что со времени провансальскихъ и романскихъ поэтовъ уже не поддаются никакому литературному влиянію. Но и эти поэты, въ сущности, порожденіе того же античнаго прошлаго.

1) Тамъ-же стр. 154.

2) Тамъ-же стр 41—2.

3) Тамъ-же стр. 54.

4) Тамъ-же стр. 56.

5) Тамъ-же стр 88. Въ Берлинѣ у Гүфеланда Жуковскій любовался бюстомъ сорокалѣтняго Гете: „удивительно прекрасный профиль“; „его кто-то прекрасно теперь назвалъ Олимпійскимъ Юпитеромъ безъ бороды“ (дневникъ 3 ноября 1820 г.). См. еще Записки Смирновой т. I, стр. 85 (отзывъ императора Николая).

6) Тамъ-же, стр. 87.

Итальянецъ родился художникомъ; это въ его крови, въ его вкусахъ; итальянскій языкъ такой же чудесный, какъ и греческій, и дѣлается красивѣе латинскаго съ тѣхъ поръ, какъ они становятся въ поэзіи опять греко-латинянами¹⁾).

Въ сравненіи съ Гёте Шиллеръ, хотя онъ часто „и является грекомъ, но все-таки онъ архинѣмецкій поэтъ; было время, когда онъ былъ болѣе грекъ, чѣмъ Гёте: въ юные годы Гёте не былъ такимъ яркимъ грекомъ“²⁾). Талантъ его „необъятенъ: онъ чувствуетъ, онъ вдумывается, подчасъ онъ бываетъ гениаленъ“³⁾). Въ своемъ „Колоколѣ“ онъ достигъ наибольшей высоты именно простотой этого произведенія, описывающаго человѣческую жизнь и дѣятельность рабочихъ и художниковъ; поэма эта одинаково нравится и ученымъ и простымъ людямъ. Но все-таки онъ не Гёте и не Байронъ“⁴⁾). Сравнивая драмы Шиллера и Гёте со стороны ихъ сценичности, Жуковскій отдаетъ предпочтеніе первому⁵⁾). „Разбойники“ и „Коварство и любовь“ тенденціозны⁶⁾), какъ и „Эгмонтъ“ и „Донъ-Карлосъ“; послѣднее сказано по поводу драмы французскихъ романтиковъ, которые, воображая, что слѣдуютъ примѣру Шекспира, прямо становятся на сторону того или другого историческаго лица. По мнѣнію Жуковскаго, Корнель и Расинъ были въ этомъ отношеніи „безпристрастнѣе романтиковъ“; „для изображенія историческихъ лицъ обыкновенно пользуются готовыми ходячими легендами, не углубляясь въ изученіе архивовъ, въ которыхъ хранится такой богатый матеріалъ. Гёте и Шиллеръ написали Эгмонта и Донъ-Карлоса съ извѣстной предвзвѣтой мыслью“⁷⁾).

1) Тамъ-же, стр. 157.

2) Тамъ-же, стр. 156.

3) Дневникъ 1832 г. 9/21 августа: „Шиллеръ — идеаль поета“.

4) Записки Смирновой I, стр. 141.

5) Сл. Дневникъ 1826 г. 30 июня по поводу представленія Макбета въ переводѣ Шиллера: „Шекспировы и большая часть нѣмецкихъ трагедій не для представленія. Нѣтъ общаго эффека, кромѣ нѣкоторыхъ Шиллеровыхъ, особенно Валленштейна. Выходишь безъ главнаго—чувства“; но Jungfrau von Orleans „лирическая поэма, а не драма“ (дневн. 1840 г. 27 марта).—Въ 1838 году 20 мая / 1 июня Жуковскій записаль, что провель вечеръ, разговаривая съ Тикомъ, Клейстомъ, Форстеромъ объ актахъ въ „Фаустѣ“.

6) Записки Смирновой I, 154.

7) Тамъ-же, стр. 198.

Есть еще бѣглыя замѣтки о Вертерѣ, котораго когда-то собирались переводить Андрей Тургеневъ и Мерзляковъ, и о *Wahlverwandschaften*, романѣ, который оказывается „гораздо безнравственнѣе, чѣмъ Вертеръ, потому что „свернуть въ Германіи голову большому числу женщинъ, чѣмъ число самоубійствъ, вызванныхъ Вертеромъ“¹⁾. Нѣсколько разъ поднимается вопросъ о Фаустѣ. „Что же ты думаешь о Фаустѣ, о Вильгельмѣ Мейстерѣ? — допрашивалъ Жуковский Гоголя, чтеніями котораго руководилъ онъ и Пушкинъ. — Я совершенно пораженъ геніемъ Гёте, отвѣчалъ Гоголь. Шиллеръ, съ которымъ я довольно хорошо знакомъ, кажется мнѣ теперь совсѣмъ другимъ. Я началъ читать Гамбургскую Драматургію и прочелъ Натана Мудраго. Я сдѣлалъ извлеченія изъ этихъ книгъ. — Жуковский: Можешь оставить ихъ себѣ.... Не благодари, потому что у меня ихъ нѣсколько изданій. Шиллеръ — великій поэтъ, но Гёте и великій мыслитель“²⁾. — „Фаустъ удивительно сцениченъ“, сказалъ какъ-то Жуковский; „Фаустъ стоитъ совсѣмъ особо, замѣтилъ Пушкинъ, это послѣднее слово нѣмецкой литературы, это особый міръ, какъ Божественная Комедія, это, въ изящной формѣ, альфа и омега человѣческой мысли со временъ христіанства; это цѣлый міръ, какъ произведенія Шекспира³⁾. — Совершенно справедливо, подтвердилъ Жуковский, Фаустъ производитъ такое-же удивительное впечатлѣніе, какъ и Гамлетъ, Отелло, Макбетъ, Ричардъ III“⁴⁾. Когда о Фаустѣ зашла рѣчь въ другой разъ, Пушкинъ утверждалъ, что въ немъ „больше идей, мыслей, философіи, чѣмъ во всѣхъ нѣмецкихъ философахъ, не исключая Лейбница, Канта, Лессинга, Гердера и прочихъ. — Это философія жизни, *des lebendigen Lebens*, заключилъ Жуковский“⁵⁾.

Гётевскому Фаусту посвящена статья Жуковского: „Двѣ сцены изъ Фауста“ 1848 года. Первая замѣтка показываетъ съ христіанско-философской точки зрѣнія, чѣмъ погрѣшилъ Фаустъ, когда въ сценѣ до появленія Маргариты принялся тол-

1) Тамъ-же, стр. 807.

2) Тамъ-же, стр. 138—9.

3) Сл. отзывъ Пушкина: Фаустъ величайшее созданіе поэтическаго духа и служить представителемъ новѣйшей поэзіи такъ же, какъ Иліада служить памятникомъ классической древности (о Байронѣ 1827 г.).

4) Записки Смирновой I, 155.

5) Тамъ-же, стр. 186.

ковать по своему мысль Евангелиста: Въ началѣ бѣ Слово ¹⁾. Вторая вызвана рисунками Корнеліуса и Реча къ такой сценѣ: когда Фаустъ и Мефистофель, скачутъ мимо лобнаго мѣста, гдѣ утромъ будутъ казнить Маргариту, передъ ихъ глазами дѣлается что-то странное.—Что это? Зачѣмъ собрались они у висѣлицы? спрашиваетъ Фаустъ.—Кто ихъ знаетъ, что они стряпаютъ! отвѣчаетъ Мефистофель.—Фаустъ: Взлетаютъ, слетаютъ, наклоняются, простираются.—Мефистофель: Дрянь, ночная сволочь!—Фаустъ: Какъ будто готовятъ мѣсто, какъ будто его освящаютъ.—Мефистофель: Мимо, мимо!—Художники одинаково поняли видѣніе, у обоихъ являются мертвецы въ савапахъ, скелеты съ головами и безъ головъ, бѣгаютъ, летаютъ, пляшутъ около эшафота. Зачѣмъ-же было Мефистофелю называть ихъ сволочью? спрашиваетъ Жуковский и предлагаетъ другое толкованіе: Маргарита покаялась, добровольно предала себя Божьему суду; „она спасена!“ слышится свыше голосъ въ сценѣ тюрьмы, и вотъ чистые ангелы своими руками уготовляютъ и святятъ то мѣсто, на которомъ слѣпое человѣческое правосудіе удовлетворитъ земной правдѣ, казнивъ преступное тѣло человѣка, а Божіе всевидящее правосудіе совершитъ правду небесную, принявши въ лоно милосердія покаянiе души человѣческой. Эти мысли развиваются и далѣе въ согласіи съ идеями статьи Жуковского „О смертной казни“ (1849 г.), вызвавшей укоръ Аксакова (въ Молвѣ 1857 г. № 14): „Можно ли думать, что поэтъ нашъ, столь проникнутый вѣрою, столь благодушный — защитникъ смертной казни!... Христіанское-ли это дѣло?“ ²⁾.

Ни та, ни другая замѣтка Жуковского не выясняютъ, какъ понималъ онъ типъ Фауста; піэтистическій характеръ комментарія не указываетъ на пониманіе. Къ тому-же, чтобы такъ истолковать сцену у висѣлицы, надо было болѣе, чѣмъ исказить текстъ: Мефистофель говоритъ не о дряни, ночной сволочи, какъ переводитъ Жуковский, а о сонмѣ вѣдьмъ, Hexenzunft, и спѣшитъ онъ не потому, что ангелы освящаютъ мѣсто казни и

1) Статья эта встрѣтила цензурныя затрудненія, тѣмъ не менѣе была напечатана въ Москвитинѣ 1849 г., т. I, стр. 13—18.

2) „Эта превосходная статья въ соприкосновеніи съ юридическимъ законоположеніемъ, слѣдственно не можетъ пройти безъ воли источника законовъ“, пишетъ Плетневъ Жуковскому 1/13 октября 1851 г. Цензура ее не пропустила.

ему не по себѣ, а надо отвлечь вниманіе Фауста да и поспѣть въ тюрьму къ Маргаритѣ. Во всемъ этомъ нѣтъ и слѣда *des lebendigen Lebens*; Гёте нашель бы такое толкованіе по крайней мѣрѣ *herzlich-fromm*. Правда, оно относится къ послѣднимъ годамъ Жуковскаго, порѣ душевнаго его единенія со Стурдвой и Гоголемъ второй фѳормаци. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ Смирнова со словъ Пушкина записала, что Жуковский лучше всѣхъ въ Россіи понимаетъ Гёте ¹⁾. При коренной разницѣ міросозерцанія, какъ то не вѣрится, чтобы душа Жуковскаго могла воспалить „свой пламень на его огнѣ“; говорилъ-же его пріятель Ал. Тургеневъ о „хладныхъ сомнѣніяхъ“ Гёте-Мефистофеля.

Не безинтересно, что послѣ восторженнаго свиданія съ Гёте въ 1827 году Жуковский перевелъ въ 1829-мъ лишь двѣ его бездѣлки (Мысли и Памятники I), а послѣ усиленнаго чтенія его произведеній въ 1832-мъ пересказалъ его старую басню „Орелъ и голубка“: молодой орелъ пустился на добычу, но, раненый стрѣлкомъ, упалъ въ масляничную рощу; излѣченный живительнымъ бальзамомъ всеисцѣляющей природы, онъ хочетъ испытать крылья и безсильно опускается на землю. Уныло смотритъ онъ на вершину дуба, на солнце, на далекій небесный сводъ, и въ его глазахъ сверкають слезы. А голубка, гулявшая тутъ же съ голубкомъ, утѣшаетъ его: къ чему унывать? Здѣсь все, что нужно для простаго счастья: благоуханіе и сѣнь оливы и „вечеръ золотой“; ты гуляешь по цвѣтамъ, можешь пищу собирать съ кустовъ и жажду въ струяхъ студеныхъ утолять.

О, другъ! повѣрь,
 Умѣренность прямое счастье;
 Съ умѣренностью мы
 Вездѣ и всѣмъ довольны.
 —О мудрость! прошепталъ орелъ,
 Въ себя сурово погрузившись,
 Ты разсуждаешь, какъ голубка.

Умѣренность, то, что въ карамзинскую эпоху звалось „посредственностью“, было для Жуковскаго идеаломъ счастья въ

1) Записки Смирновой I. с. стр. 186.

пору его юношескаго дневника (804—5 г.); объ „умѣренности желаній“ твердитъ онъ постоянно, въ разныхъ случаяхъ жизни и разныхъ житейскихъ обстановкахъ;

Орель летить отважно въ горній край,
Пчела свой медъ на скромномъ копитъ лугѣ.
(Къ Арбеновой 1812 г.).
